ПЛЕННИКИ СУМЕРЕК
ИСКУШЕНИЕ
Елена Усачева

Елена Александровна Усачева

Искушение

Серия «Влечение», книга 5

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3956825
Искушение : повесть: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-45250-7

Аннотация

Романтическое путешествие Маши и Макса завершилось в Австрии, в маленьком живописном городке у подножия Альпийских гор. Там их догнала группа странных вампиров. Нежданные гости не хотели сражаться. Вместо этого они попросили Машу о покровительстве, желая, чтобы сильная колдунья приняла их сторону в грядущем конфликте. А спустя всего пару часов с той же просьбой к ней обратились Смотрители… Влюбленные оказались меж двух огней. Но не это беспокоит Машу больше всего: слишком странные сны посещают ее в последнее время, слишком часто она начинает сомневаться в себе и в Максе… Неужели что-то может угрожать их любви?

Содержание

Глава I 6
Глава II 21
Глава III 43
Глава IV 73
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Елена Усачева
Искушение

Выражаю благодарность Хансу-Георгу Шнааку за помощь в переводе на немецкий язык.

Любовь – это плоть и кровь.
Цвет, собственной кровью полит.
Вы думаете, любовь —
Беседовать через столик?

Часочек – и по домам?
Как те господа и дамы?
Любовь, это значит… —
Храм?
Дитя, замените шрамом

На шраме! – Под взглядом слуг
И бражников? (Я без звука:
«Любовь – это значит лук,
Натянутый лук: разлука».)

Марина Цветаева

В мире, где вечно все меняется, где одна секунда не похожа на другую и где, как утверждают знатоки, нельзя войти дважды в одну и ту же реку, глупо рассчитывать на постоянство. Любовь так же переменчива. Каждую секунду рождаясь, через мгновение умирает, чтобы появиться вновь. Мы же тянем на себя одеяло стабильности, порой не замечая, что

все давно уже другое и для сохранения прежнего надо приложить вдвое больше усилий. Тут-то и рождается искушение все бросить и начать иную историю. Но пока не завершится старое, новое не придет, в полный сосуд воду не налить. История любви каждому выдается своя, и надо иметь терпение дослушать ее до конца.

Глава I
Город радости и грусти

Я счастлива.

Странно испытывать такое чувство. Обычно счастье осознается в прошедшем времени. Сравниваешь с настоящим днем и понимаешь – счастье БЫЛО. Сейчас же оно у меня ЕСТЬ. Я держу его в ладони, и оно переливается искрящимися бликами – вот оно счастье, со мной, во мне.

По утрам, когда я открываю глаза, надо мной распахивается голубое небо. Макс осторожно целует меня. Губы его по сравнению с вчерашним днем как будто теплее. Хотя у вампиров вряд ли есть что-то стабильнее температуры тела (равна температуре окружающей среды) да равномерного биения сердца.

– Макс!

– Не шевелись…

Я не только рукой не шевельну, а еще и глаза закрою.

Он стал осторожно отводить волосы с моего лба. Я чувствовала его легкие прикосновения, щекотное перемещение прядей. Сейчас он их художественно разложит на подушке, а потом будет фотографировать. В его ноуте тысяча папок с моими фотками. Каждый день меняется экранная заставка. Себя фотографировать не дает. Но иногда и вампиры отвле-

каются.

Нырнула под одеяло, сгруппировалась, выбираясь к ногам кровати.

Щелк, щелк, щелк – заработал фотоаппарат. Если не поставил спортивный режим, все смажется.

Метнула в него подушку.

Щелк, щелк, щелк.

Кувыркнулась через низкую спинку.

– Замечательно!

Я растянулась на мягком ковре, раскинула руки. Бретелька ночнушки сползла с плеча. Потянулась поправить ее. На пальце почувствовала так и не ставшее привычным кольцо, поднесла его к губам.

Щелк, щелк, щелк…

– Смотри!

Макс перекинул ремешок на руку, разворачивая фотоаппарат экраном ко мне.

Разметавшиеся волосы легли на лицо, сквозь них смотрят еще сонные глаза, в зрачке искорка-веселинка. Моя рука, ладонь с линиями судьбы, на пальце темнеет кольцо.

А вот Макс свое не носит. Говорит, неудобно. Прикрепил к цепочке, намотал на руку. Эстет!

Я вновь вгляделась в экран аппарата, где один кадр сменял другой.

Пожалуй, надо часть фоток отсюда удалить. Здесь от меня половина. А тут я вышла не очень.

Осторожно взяла у Макса фотик. Тяжелый. Здоровый. Со съемным объективом. Но зато картинки делает замечательные. Покрутила колесико, прогоняя снимки. Макс провел пальцем по моему локтю, потом пошел выше, опустил ладонь на плечо, посадил на место сползшую бретельку.

Было щекотно. Я дернулась. Макс сильнее надавил на плечо. Руки сами легли на боковые планки фотоаппарата, палец скользнул к кнопке.

Щелк, щелк, щелк.

Макс клонился ко мне, а я нажимала и нажимала на кнопку. Передо мной на экранчике мелькало сначала его бледное лицо целиком, потом часть, потом только глаза. Последние кадры отразили потолок с бликами солнца, стену, стул, разоренную кровать. Макс обнял меня, я обхватила его одной рукой, другой все еще сжимая фотоаппарат.

Не помню, когда наши объятия разомкнулись. Солнечные блики сдвинулись по потолку, комната стала наполняться теплом. Ворсинки ковра щекотали щеку, кололи голую спину. Сквозь прищуренные веки я смотрела на свалившееся с кровати покрывало. И вдруг чернота из ночного сна шагнула ко мне. Вспомнила!

Резко села.

– Что? – Макс заглядывал мне в глаза, но мне хотелось отвернуться. Все казалось, погляди я на него, снова увижу это.

– Плохой сон, – пробормотала, отворачиваясь, стараясь

отгородиться волосами.

Моя жизнь наполнена странными снами. Раньше они пугали меня. Потом я нашла им объяснение – во мне просыпалась сила Смотрителя, талант чувствовать вампиров. Но до сих пор сны – то ли предупреждают меня, то ли зовут куда-то. Я не понимаю их, и от этого мне все время хочется сбежать, спрятаться. Найти бы причину всего этого… А может, через сон кто-то пытается до меня дотянуться? Всегда одно и то же – чернота. Она наступала, пытаясь подавить, втянуть в себя.

Чернота стала появляться в моих ночных кошмарах после того, как я мысленно попыталась отыскать Дракона, не зная о том, что его убили. Я искала мертвого человека, и мое сознание, ухнув в небытие, как будто зацепилось там за что-то. И никакие силы не могли мне помочь выбраться оттуда. Путешествия на время развеивали мой страх, но стоило нам остановиться на несколько дней, как сон возвращался.

– Ничего не было.

Максу все рассказывать – запрет в комнате навечно. Он меня оберегает, так что я себя уже чувствую фарфоровой вазой. Пылинки сдувает.

– Тогда пойдем завтракать. – Он протянул мне руку, помогая подняться.

– Отвернись!

Глупая стыдливость! До сих пор не могу ее перебороть.

– Встретимся внизу, – не стал со мной спорить Макс.

Он никогда не спорит. Либо соглашается, либо нет. Переубедить его невозможно. Отойдет в сторону, переждет минуту и сделает по-своему.

Прошел у меня за спиной, заставив замереть. Но не коснулся. Только холодок мазнул по обнаженным плечам.

Я опустилась на кровать. Все было хорошо. И если не вспоминать, через какой кошмар нам пришлось пройти, чтобы добраться до сегодняшнего дня, счастье выглядело вполне себе настоящим. Тихо. Спокойно. Никто нами не интересуется. Нам тоже ни от кого ничего не нужно. И только слабым отголоском прошлого были телефонные звонки. Как напоминание о том, что оставшееся где-то там, далеко, еще может вернуться. Родители, родной город, друзья. Эхом – весна, скоро единые экзамены, институт. Неужели все это еще может быть в моей жизни? Разве у меня есть путь назад, в прошлое?

Новый год в Сёмже на Белом море, потом Норвегия, мыс Нордкин. Месяц во Франции у Лео, покровителя Макса. Апрель. Мы у Грегора в Мёдлинге. Старый друг Грегор. Я думала, он убежит, увидев нас. Ошиблась. Кажется, даже обрадовался. Впереди, по планам, мой родной город. И хоть я до сих пор не могу поверить, что в нашей жизни все успокоилось, что вампирский мир примирился с тем, что рядом с ними теперь всегда буду я, Смотритель, – пока вокруг разливается благостная тишь и гладь.

Несмотря на всю свою мнительность, я уже давно не пре-

движу никакой опасности. Привыкла, что ли, находиться рядом с вампирами? Мое сердце больше не вытанцовывает сумасшедшую румбу при их приближении. Если что-то меня и волнует – это мои сны. Можно было уже привыкнуть, что мне постоянно посылают сигналы. Предупреждают. Или просто не дают забыть то, что было. Сёмжа, одинокий домик на берегу холодного Белого моря…

Я старательно запихнула подальше все неприятные мысли, откинулась на кровать, потянулась, чувствуя приятную прохладу простыни. Симпатичный номер. Небольшой. На окне занавески с рюшами, цветы в горшках, столик, накрытый кружевной скатертью, плетеная корзиночка с хозяйственными мелочами. На стульях чехлы. Комната выглядела бы добрым бюргерским раем, если бы не коробки с техникой. Открытый ноутбук подмигивает диаграммами закачанных файлов. Видеокамера, подсоединенная к телевизору. И на все это роняют свою пыльцу алые тюльпаны. Под грузом разлапистых лепестков ножки согнулись. С тяжелых тычинок летит желтый пепел. Тюльпаны везде – на столе, на полу, на подоконниках, на телевизоре. Есть букет в ванной.

Как же мне нравятся эти цветы!

Я думала о цветах, пока была в ванной, пока выбирала, что надеть. В Австрии по-весеннему тепло, поэтому я выбрала легкие светлые брюки и голубую водолазку. Волосы стоит собрать в высокий хвост. Я еще повертелась немного перед зеркалом, скептически оглядывая свой наряд. Провела

рукой по волосам. Колечко блеснуло на пальце.

Навсегда вместе… Внушительно звучит, если учесть, что в нашем случае «навсегда» не имеет ограничения по годам. Мы проживем, сколько захотим. Хоть вечность. На секунду стало страшно, словно чей-то приговор отрезал от меня весь остальной мир – людей, события, страны, города… Но я же буду с Максом! Он заменит мне любую вселенную.

Что-то у меня сердце заполохнулось, стучит как ненормальное. Надо же, сама себя напугала перспективой одиночества на двоих. Пора успокаиваться и не доводить себя страшилками собственного производства. Сдернула резинку, взлохматила волосы. Скачаю-ка я снимки на свой комп, а то после завтрака фотик мне уже точно не видать. Макс скажет, что сложная техника не для женских рук, и отберет его.

Нырнула в шкаф за своим ноутом, огляделась. Если все осталось там, где и лежало, то фотоаппарат должен быть на полу.

Я обошла кровать, заглянула под стол. Ничего.

Так, значит? Ладно!

Я снова забралась в шкаф, пряча ноутбук и доставая небольшой зеленый кофр. У меня тоже есть фотоаппарат. Не такой навороченный, как у некоторых, обыкновенная мыльница, подряд много кадров не сделаешь, но мне и одного снимка будет достаточно.

Белые туфельки на каблуке подарили моей походке легкость, и я сбежала со второго этажа в ресторан к завтраку во

всеоружии уверенности в себе.

Народу не так много. Пожилая пара. Трое студентов о чем-то громко говорят. Речь немецкая, но они так тараторят, что я ничего не могу понять. Следующие два столика заняты мужчинами – жуют, смотрят в разные стороны, стараются друг другу не мешать.

В дверном проеме кухни появилась девушка. Она широко улыбнулась, словно только меня и ждала, руками провела по переднику, смахивая невидимые крошки.

Я кивнула в ответ на ее улыбку.

– Jetzt gibt es Tee![1] – пропела девушка, исчезая в кухне.

«Tee?» – выхватила я последнее слово.

– А почему не кофе? – спросила я, проходя к столику, за которым сидел Макс.

Он поднял на меня светлые глаза. Мои руки так и зачесались вытащить из кофра фотоаппарат и сделать снимок. Но я заставила себя глубоко дышать и думать о птичках на улице. Судя по его взгляду, наступил час воспитательной работы.

– Кофеин возбуждающе действует на нервную систему… – Ну вот, началось! – Что может приводить к нестабильному сну.

– А теин, входящий в состав чая… – Макса можно было победить только фактами. Впрочем, это мне никогда не удавалось.

Студенты загоготали, девушка из кухни принесла чай.

---

[1] Сейчас будет чай! (*нем.*)

– С чабрецом, – прокомментировал ее появление Макс, пропуская мои возражения мимо ушей. – Хорошо поднимает тонус.

Все, что делает Макс, надо принимать как явление природы. Остановить нельзя, можно только спрятаться.

За окном узкий проулок, мощенный камнем. На уличном подоконнике ящики с цветами, из-за них почти ничего не видно, только тесный тротуар, на который ухитрилась въехать одним колесом машина. Пока неосторожный хозяин не уберет свой драндулет, дорога для остальных перекрыта.

Голос официантки вывел меня из задумчивости.

– Что-нибудь еще? – перевел мне Макс ее вопрос.

– Нет, спасибо, – поторопилась я ответить.

– Я знал, что тебе чай понравится. – Макс выглядел довольным.

Тосты, джем, сыр, творог. Моя мама пришла бы в восторг от такого завтрака.

– Мне не нравится, когда ты у меня из-под носа уводишь фотоаппарат, – буркнула я, придвигая чашку. Предпочитаю на завтрак кофе.

– Я решил сбросить снимки на компьютер, пока ты все не поудаляла.

– Не поверишь! У меня были точно такие же мысли, – мило улыбнулась я. Приятно жить с любимым на одной волне, желания чаще всего совпадают. – Фотоаппарат отдай!

– Он в номере. – Соврал и глазом не моргнул.

Я густо намазала джем на хлеб и, нагло глядя Максу в глаза, откусила большой кусок.

– Что качаешь? – Мне очень хотелось поймать любимого на противоречии – если он что-то качает, то не может перекинуть фотки.

– Фильм о вампирах.

Как трогательно!

Я поправила расползающийся джем, открыла рот да так и застыла.

За окном стоял вампир. Я не услышала, как уехала машина, но теперь на ее месте стоял высокий бледный парень. Волосы над низким лбом торчат вверх. Широко расставленные темные глаза, густые брови, прямая линия небольшого носа. Джинсы, рубашка в клеточку, глупые ковбойские сапоги. Почувствовав мой взгляд, парень опустил сложенные на груди руки и медленно пошел вверх по улице. Как только он отвернулся, я почувствовала текущее по руке варенье с тоста.

– Макс… – прошептала я.

Любимый отобрал у меня бутерброд, вытер салфеткой испачканное запястье.

– Это Пайер, – сказал он, как будто утреннее общение с вампирами для него в порядке вещей. – Был здесь такой композитор. Из местных. Лет двести назад. Этот, видимо, родственник или однофамилец. Он зашел, пока тебя не было. Мы поболтали.

– Поболтали… – Я отпила чай. С чабрецом, говорите? Ну-

ну…

– Он расспрашивал о тебе. Приехал из Вены. Хочет с тобой встретиться.

– Зачем?

Макс переложил лишнее варенье с тоста в творог и поставил мисочку ближе ко мне.

– Я велел ему здесь не появляться.

Я машинально взяла ложку. Ну вот, все настроение испортил! Мне сейчас только вампиров не хватает!

– В Париже было то же самое!

Есть я теперь точно не смогу!

– Помнишь, в Римском квартале? Тот вампир! Он еще долго за нами шел!

– Он просто смотрел на тебя. Ты же у нас теперь знаменитость!

Я закатила глаза.

– Тебе удалось остановить Эдгара, благодаря тебе не началась война между вампирами и людьми. Всем хочется увидеть своего героя.

– Не начинай! – Я принялась переставлять тарелки на столе. И почему это все должно было произойти именно сегодня? – Мы всего лишь спасали свою жизнь.

– Об этом надо либо написать книгу воспоминаний и напечатать ее миллионным тиражом, либо каждому приходящему повторять одно и то же. Выйдет тот же миллион. – Невозмутимость – это кредо Макса. И сейчас оно меня на-

чинало бесить.

– Вампиров так много?

– Иногда полезно кое-что делать про запас.

Спасибо, утешил! Значит, в ближайшие лет сто нам не дадут покоя?

– Только не это… – простонала я. – Неужели нам всю жизнь придется от кого-нибудь прятаться?

– Не драматизируй. Сегодня ты звезда. Завтра у них появится новая игрушка.

Мне очень хотелось в это верить. Но чутье колдуньи говорило, что интерес ко мне так быстро не пройдет. С этим парнем за окном я еще встречусь. Жалко, что не могу предсказать это более точно. Знаю одно – вечером концерт. Грегор пригласил нас в свой клуб. А где собирается хотя бы парочка вампиров, жди светопреставления.

Но до вечера еще так далеко…

День прошел в ленивом перемещении в пространстве – смотрели кино, гуляли, вместе искали фотоаппарат. Пропал. Как будто его и не было. Макс продемонстрировал удивление. Верилось с трудом. Кому, кроме любимого, мог понадобиться фотик? Звонил Грегор, напомнил о вечернем концерте, обещал сюрприз.

Сюрпризы! Давненько нас не развлекали подобными аттракционами.

В клуб «Нойвег» мы пришли рано. Грегор крутился около музыкальных инструментов, и порой становилось странно,

как этот здоровяк не развалил здесь все. Он был крупный, с тяжелым массивным лицом, но при этом с добрыми, как у многих бойцовского вида людей, глазами. Его можно было легко представить где угодно, но только не за ударной установкой. Он и вампиром-то стал из-за своей любви к музыке – его группа повздорила с конкурентами, оказавшимися вампирами. Войну они повели по своим правилам, однажды ночью устранили конкурентов. Всех, кроме ударника. Став вампиром, Грегор долго скитался, одно время был в компании с Максом, принял участие в некрасивой интриге, когда его вынудили обратить умирающего Смотрителя[2]. После чего сбежал к себе на родину, в Медлинг. И, наверное, очень надеялся, что больше никогда нас не увидит. Но мы появились.

– Привет!

Он подсел к нам за столик, но при этом смотрел в зал. Кроме находящихся рядом со мной вампиров, все остальные были люди, которые вряд ли даже предполагали, какие существа бродят рядом с ними. Мимо нас прошла невысокая сонная девица со шваброй. Бармен перетирал бокалы. На кухне что-то с грохотом упало.

Грегор избегал смотреть на меня.

– Подыграешь? – спросил он Макса как бы между делом. – Я тебе клавишные принес.

---

[2] Читайте об этом в книгах серии «Пленники сумерек» «Откровение» и «Желание».

Макс повернулся ко мне, словно спрашивал согласия. Зачем? Что от меня здесь зависит? Все решено заранее. Мы же такие скрытные! Ну да! Грегор ведь не в восторге, что Макс приехал со мной. Без меня лучше. И если я сейчас начну возмущаться, что они опять что-то без меня задумали, это лишний раз убедит Грегора: Максу без меня жилось легче. Свободней – это уж точно.

Я почувствовала поднимающееся раздражение и заставила себя остановиться. Не хватало нам еще ссориться по пустякам.

Как только Макс ушел и на том месте, где он только что был, образовалась холодная пустота, я почувствовала, что на меня смотрят. Опять вампир! Долго искать не пришлось. Девушка за соседним столиком. Невысокая, очень худая, короткая стрижка, крупные черты лица. Больше похожа на парня. Она была бледна, как все создания тьмы. Но даже не будь она вампиром, в ее облике виделось так мало живого, что к людям причислить было бы тяжело. Привлекала в ней только чистая и гладкая, словно подсвеченная изнутри, кожа. Тени под глазами делали ее взгляд пристальным. Пирсинг на носу и бровях. Безрукавка открывает мягкую линию плеча, тонкий бицепс обвивает вытатуированная цепочка из колючих роз. Иссиня-черный бобрик крашеных волос.

Девушка мазнула по мне равнодушным взглядом. Она смотрела, как смотрят куклы. Глаза ничего не выражали. Отвернулась.

Что-то много вампиров последнее время вокруг нас вьется. И все они странные. Ощущение от них идет не тревоги, как это было раньше, а как будто легкой щекотки. Они обозначают свое присутствие, и – все. Никаких злых намерений, никаких противоправных действий. Появляются рядом, как призраки, как замыленные снимки в фотоаппарате, и исчезают.

Я перестала смотреть на вампиршу, но это соседство мне не нравилось. Последнее время мне многое не нравилось. Макс, как всегда, прав – надо глубже дышать и думать о хорошем, тогда глобальное недовольство миром пройдет.

Глава II
Клуб по интересам

Макс сидел за фоно, что-то наигрывал, надев наушники, при этом ухитрялся переговариваться с Грегором, негромко отбивающим такт на своих барабанах. Пришли остальные участники группы. Худой прыщавый парень в очках взял бас-гитару. Низенький толстяк принялся настраивать скрипку. Сочетание меня порадовало. Оставалось только угадать, кто будет петь. Вряд ли Грегор. Не станет же он перекрикивать свою ударную установку. Не помню, чтобы Макс хотя бы раз распевался в ванной. Оставались басист и скрипач. Со скрипкой у подбородка не попоешь, в лучшем случае будет подпевать. Выходит, басист.

Я вгляделась в его впалую грудь, сутулые плечи. Если он и поет, то негромко.

Как-то незаметно в баре стало шумно. Сонная уборщица выдвигала столы. С грохотом выставлялись стулья. Бармен включил над стойкой иллюминацию, словно опасался, что в таком водовороте людей его не заметят. Стайка девчонок потопталась около сцены. Я так и не поняла, к кому они пришли. Грегор всем неизменно криво ухмылялся, при этом бросал недовольные взгляды в зал. Людей пересчитывает, что ли? Не нравится, что мало пришло?

Макс сбросил наушники на плечи.

– И!.. – заставил всех замереть Грегор. Три раза стукнули палочки.

Первой задала бешеный ритм скрипка, басы глухо поддакивали ей. Макс пропустил несколько тактов, подстраиваясь под основной мотив. Но не успел он опустить руки на клавиши, как, опережая его, заработали палочки. И уже фоно стало дополнять ударные. В первую секунду мне казалось, что все четыре инструмента звучат не в лад. Мигающий свет выхватывал то одного музыканта, то другого. Сильный голос заставил всех собраться, подхлестнул и повел за собой.

Свет дернулся, поискал солистку и, к моему удивлению, указал на худую вампиршу с короткой стрижкой. Двумя руками она держала микрофон, закрыв глаза, выбрасывала в черную головку усилителя немецкие слова.

Макс согласно кивал в такт. Казалось, что своей игрой он подбадривает певицу, подталкивает ее голос вперед. Девушка перехватила микрофон в одну руку, повернулась в профиль, старательно выпевая высокие ноты. Осторожный проигрыш. Еще. И вот уже нет ни скрипки, ни басов, только фоно, да ударные отбивают ритм.

В зале загомонили, стали подпевать. Девушка отвернулась от слушателей, мягко обошла басиста, коснулась рукой тарелки на установке Грегора и остановилась около Макса. Он повернулся к ней, и она запела ему.

Рядом со мной что-то стукнуло, и я вздрогнула.

– За счет заведения!

Я только услышала слова бармена, а он уже уходил. Ссутулившийся. Куда это он так почесал?

Передо мной стоял высокий запотевший бокал с расплавленным янтарем – таким непрозрачно-густым оказалось налитое в него пиво.

Интересненько, чья это могла быть работа? Макс в лучшем случае мог предложить мне вина. Пиво для него слишком плебейский напиток.

Песня закончилась. Не дожидаясь музыкального вступления, девушка запела одна. Мощно, уверенно. В зале восторженно свистнули.

Я сделала хороший глоток, прогоняя скребущееся в душе недовольство. Вечер был хорош, и я не понимала, что мне может не нравиться. Народу многовато. Шумят. При чем здесь это?

Девушка пела в сопровождении скрипки. Макс что-то настраивал в синтезаторе, механически кивая в такт музыке.

Допев, девушка сошла со сцены и снова села за свой столик, который все еще оставался пустым, несмотря на то что народа в зале было предостаточно.

Пальцы Макса пробежали по клавишам. Он навис над инструментом, но вступил Грегор, и, перегоняя друг друга, они понеслись вперед.

Дослушать мне не дали, потому что за мой стол сел какой-то парень. В полумраке мне сначала показалось, что это

один из студентов, но голос у него оказался слишком тяжелым для восемнадцатилетнего. Лет тридцать, не меньше.

– Никогда не видел эту группу в таком составе. – Говоривший чуть картавил, выговаривая русские слова, но понять его было легко.

В первую секунду я обрадовалась знакомой речи. За время путешествий общаться я могла только с Максом да с Грегором – только они говорили по-русски.

– Вы ведь с кем-то из них?

Я вглядывалась в ничем не примечательное круглое лицо. Высокие залысины на лбу, нервно подрагивающие брови, узкий нос, серые, словно слегка размытые глаза. Черная рубашка, черный пиджак. Перед собой на столик он поставил пиво. Темное.

– С клавишником. А как вы… – Я слишком много хотела вложить в свой вопрос – и как он узнал, что я русская, и как догадался, что я знакома с музыкантами.

– Все здесь с компанией, а вы одна. Вряд ли пришли просто так, значит, с музыкантами. А потом, простите, вы так удивленно смотрели на Ингу, как будто не понимаете ни слова.

Инга… Какое резкое, неприятное имя.

– Не понимаю, – смутилась я.

– Новое лицо в нашем городе всегда приметно.

Я невольно обернулась на Макса. Он играл, не поднимая на меня глаз. Зато Грегор смотрел в мою сторону, не отры-

ваясь. И лицо у него при этом было слишком напряженное. Вампиру не нравится, что я разговариваю с кем-то, кроме его друга?

– Грегор здорово изменился за последнее время, – проследил за моим взглядом мужчина.

– Откуда вы так хорошо знаете русский?

По пивному бокалу моего собеседника лениво ползла капелька. Она перебегала от одной капли воды к другой, набирала силу, чтобы упасть на подставку и всосаться в податливую пробку.

– Изучал в институте. Я лингвист. Меня зовут Стиг.

Он приподнял свой бокал, коснулся моего, не дожидаясь, когда я проявлю согласие на его жест.

– Давно здесь? – Молчаливость собеседницы Стига не смущала.

– Несколько дней. – Меня сковала странная робость.

– Да, здесь красивые места! – Стиг откинулся на спинку стула. – Венский лес, предгорье Альп. Сейчас еще не сезон, но летом будет полно народа. Вы знаете, что сюда на водолечение приезжал Бетховен?

Мне оставалось только качать головой.

– Это он написал «Медлингские танцы». Не слышали?

У меня скоро башка отвалится от отрицательных ответов.

– Попросите своего приятеля найти. Я смотрю, он хороший музыкант. А остановились вы, конечно, на Брюэлер-штрассе в «Бабенбергерхофе». Единственная прилич-

ная гостиница.

Он вдруг замолчал. Вместе с его словами оборвалась музыка. Макс еще по инерции что-то проиграл, но вот и фоно затихло.

– Вы надолго сюда?

Стиг был похож на болтливого обывателя, недалекого бюргера, обрадовавшегося, что среди сотни постылых рож встретил незнакомое лицо. Но при этом создавалось впечатление, что он вел целенаправленный разговор, словно пытался что-то выведать.

– Как получится.

Я поискала глазами Макса. Нашла. Певица стояла рядом. Тонкими пальцами водила по черному блестящему краю синтезатора. Они молча смотрели друг на друга, словно вели мысленный разговор. Грегор недовольно крутил палочки. Они так быстро мелькали, что, казалось, я слышала свит рассекаемого воздуха.

– Завтра куда-нибудь собираетесь? – зудел у меня над ухом новый знакомец.

– Я не знаю, что мы будем делать. – Хотелось уйти. Что он ко мне привязался?

– А вы молодожены, да? – Он показал на мою руку с кольцом. – Свадебное путешествие! О! Как это приятно. Можно я коснусь вас? Это принесет удачу.

– Кому удачу? – Я в упор посмотрела на Стига. Он так добродушно улыбался, был так расслаблен, что я рядом с ним

чувствовала себя обыкновенной стервой. Но я не собиралась сдерживать себя.

– Конечно, мне! – рассмеялся Стиг. – Ну как же! Вы разве не бросали букет невесты? Чтобы передать свою удачу другой?

– Не бросала.

Я спрятала руки под стол. Передавать свою удачу на нашей импровизированной свадьбе было некому. Мы обручались в лесу, над костром. Макс без лишних церемоний надел мне кольцо и сказал, что теперь я – его. Подаренные цветы мирно завяли в свой срок.

– А зря, – пьяно погрозил мне Стиг. – Таким счастьем надо делиться.

Он навалился грудью на стол. Я вскочила. Ожидала, что на грохот упавшего стула рядом со мной тут же появится Макс. Этого не произошло.

На его месте около синтезатора сидела певица и медленно вела пальцем по ряду клавиш. Макс что-то говорил ей, держа другую ее руку в своей ладони. Барабанная палочка хрустнула, сломавшись, Грегор бросил ее под установку и сжал кулак.

– Извините, – пробормотала я. – Сейчас приду.

Я шла через зал, наполненный немецкой речью, смехом. В спину мне полетели скрипичные распевы. Задержалась у последнего столика. На меня кто-то смотрел? Нет, Стиг все еще сидит на месте, тянет пиво, слушает музыку. Другой?

Зал был похож на муравейник – где-то взмахнули рукой, засмеялась девушка, запрокинув голову. Вечное движение. И все равно кто-то смотрит. Я пытаюсь заметить этот взгляд, но успеваю только увидеть поворот головы. Человек мог и смотреть на меня, а мог просто повернуться. Вот сейчас?.. Тоже. Вроде бы ничьего взгляда я не поймала, но уверена – на меня смотрели!

И тут меня словно парализовало.

«За счет заведения!» Да, кажется, так сказал бармен. Сказал по-русски. Или мне показалось?

Я попятилась, глядя на довольно улыбающегося мужчину за прилавком. Его подношение я приняла как должное – мы с Максом были сюда приглашены, мы друзья выступающих музыкантов, и я вполне могла услышать то, что хотела – что пиво нам дарят. И услышала в немецкой речи русскую?

Стиг повернулся. Его слишком назойливый взгляд, ищущий меня среди посетителей, выгнал на улицу.

Спокойно! Спокойно! Немного пройдусь, подышу свежим воздухом. Там, в баре, душно, нервно. В волнении потерла ладони, попыталась глубоко вдохнуть. Удержалась, чтобы не провести у порога мыском туфельки черту. Надо изживать в себе привычку колдунов оставлять по себе дурную славу. Находящиеся внутри люди не виноваты, что я плохо сплю и пребываю последнее время в дурном расположении духа. Оставь я черту, у всех, переступивших порог, завтрашний день был бы полон невезения.

Я вспомнила Грегора, сломавшего барабанную палочку. Вот и он тоже не пляшет от радости. Перед глазами встала картинка – Макс берет за руку певицу. Как ее там? Инга? Звучит, как выстрел. Мои ноги непроизвольно зашагали прочь от бара.

Тише! Что это я так забегала? Может, у девушки личная драма и ей просто необходимо, чтобы Макс ее утешил? А история оказалась такой душещипательной, что Грегор в сердцах стал крушить свой музыкальный инвентарь. Ну конечно! Почему я малейшие события примеряю на себя? Мало ли из-за чего вампир может нахмуриться. Ветер принес неприятный запах, досадная мысль зазвенела в воздухе, Смотритель за тридцать километров отсюда неудачно пролил кетчуп, тем самым непреднамеренно начав строить аркан на красном цвете.

Я последний раз выдохнула, понимая, что волнуюсь зря. В душе, как нарастающий камнепад, зрела тревога. Сунула руки в карманы. Перчатки, платок. На платке надо завязать узелок, скрестить пальцы. В голове привычно зазвучали слова заговора.

«Звезды в небе. Рыбы в воде…»

Я уже давно строила арканы, одновременно основанные на простых приметах, признаках невезения и энергетически сконцентрированных заговорах.

– Подожди! Не надо!

Пайер. Или как-то похоже. Композитор. Я так и подумала,

что рядом вампир! Он стоял на углу здания, безвольно опустив руки. Все тот же ежик торчащей вверх челки, короткий нос, широко расставленные глаза.

– Меня зовут Джером! Можно, я подойду?

Между нами была улица. На таком расстоянии он казался беззащитным. Впечатление было обманчиво. Вампирам вообще нельзя верить.

– Я знаю, ты Смотритель! Тебя зовут Маша.

Говорил вампир отрывисто, между словами делая короткие паузы, словно ожидал, что я его перебью. Но мне было не до разговоров. Какое дело у него, вампира, может быть ко мне, Смотрителю?

– Ты только не подумай ничего! Я хотел лишь познакомиться.

И он стал медленно идти ко мне.

Если бы не этот дурацкий разговор в баре, я бы, наверное, смогла нормально воспринять Джерома, но сейчас его появление доконало меня окончательно.

– Что тебе надо? – Я выставила вперед руку, заставляя его замереть.

– Я о тебе слышал. Рассказывали, что ты многим помогаешь.

Помогаю? Что за бред? Я ношу с собой саквояж с красным крестом и надписью «Скорая медицинская помощь»? Или у меня на лбу мелкими буквами вытатуировано знаменитое стихотворение о докторе Айболите? Или я успела записать-

ся в добровольные сиделки и теперь часами просиживаю у постели умирающих?

– Нет, мне ничего не надо! – Вампир, как всегда, предвосхищал мои вопросы. – У меня все в порядке. Просто хотел увидеть тебя. Познакомиться.

Я сжала платок в кулаке. Кажется, я становлюсь героем чьего-то кошмара.

– Про тебя сейчас постоянно говорят. Ты так много всего сделала для вампиров. Если что, я могу сказать, что знаком с тобой?

А вот теперь мне действительно нужен был кто-то, кто сказал бы заветное слово: «Тише!»

Наверное, у меня было слишком удивленное лицо, так что Джером, не дождавшись ответа, снова пошел ко мне.

– Тебе не сложно дать мне что-нибудь?

– Что?

Меня пробрал озноб. Вампир слишком близко подошел. Запястья заломило от волнения.

– Любой предмет. Но только чтобы был твоим.

Сбежать бы! Направо-налево сплошная стена домов. Да и не скрыться мне от вампира. Аркан уже не построить.

– Хоть пуговицу от пальто. – Джером шевельнул уголком губ, пытаясь улыбнуться. – На память о встрече.

– На какую память? – Дыхание перехватило.

– На добрую.

Он стоял на расстоянии вытянутой руки. Я чувствовала

исходящий от него холод. Мальчишески-гладкое лицо, распахнутые темные глаза.

Он был голоден!

Вампир не справился с собой. Из-под верхней губы показались клыки.

В попытке увернуться от него я ударилась спиной, всплеснула руками.

Джером метнулся к моим ногам. Я взвизгнула, ожидая, что меня сейчас схватят, что я сейчас окажусь на земле.

Меня впечатало во что-то знакомо прохладное, сердце бешено заколотилось.

– Тише, тише, – шептал родной голос. – Он ушел.

Я оторвала лицо от груди любимого. Темная улица, вокруг никого.

– Все, все, не дергайся!

Макс притянул мою голову к своему плечу, а я все выворачивала шею, пытаясь увидеть на улице свою смерть. Ту, что успела представить за секунду до того момента, как вампир бросился ко мне.

– Его нет, – пел нежный голос Макса прямо у меня в голове, и я перестала вырываться.

– Зачем он приходил? – Справиться с собой не получалось. Меня колотило, и было так приятно, что Макс крепко прижимает меня к себе.

– Успокойся. Все прошло.

– Он хотел напасть!

– Он хотел познакомиться. Больше ничего.

– Я не собираюсь ни с кем знакомиться. Зачем он за нами ходит?

– Он больше не появится.

Макс поставил меня на землю, но я схватила его за руку, не желая расставаться.

– Он сумасшедший!

– Вампиры не бывают сумасшедшими. Вампиры бывают с идеями. Он думает, что если познакомится с тобой, то в будущем это ему поможет.

– Он хотел что-то на память, – вспомнила я, невольно проводя пальцами по ряду пуговиц на пальто. Все были на месте.

– Не бери в голову. – Макс поднял мой платок. В борьбе с действительностью я его обронила. – Фанатиков везде хватает.

Я сунула платок в карман и тут поняла, что он пуст. Перчатки не было. Оглянулась, уже понимая, что поиски будут напрасны. Джером нашел, что оставить себе в качестве сувенира. Причем получил это прямо из моих рук. Видимо, уворачиваясь от него, я выронила перчатку из кармана. Вампир не дал ей упасть на землю. Больше его ничего не интересовало, и он спокойно ушел. Даже Макса не дождался.

– Фанатиков? – раздраженно переспросила я. Стало неожиданно жалко перчатки. Новые, хорошие. Они мне нравились. – Вампир хотел получить от меня какую-нибудь вещь!

– Считай его членом личного фан-клуба!

Так, а вот с этого момента поподробней, пожалуйста! Теперь вампиры при моем появлении начнут размахивать флажками и кричать приветственные лозунги?

Макс увидел мою растерянность и снова прижал к себе.

– Забудь! Хотел получить перчатку – он ее получил. Больше ему ничего не понадобится.

В голове вертелись неудачные примеры. Куприн с «Гранатовым браслетом»… Фанатизм вещь смертельная.

– Зачем ему моя перчатка? Он будет на нее шаманить?

– Он будет ее хранить, чтобы в случае опасности предъявить как защитную грамоту.

– От кого?

Я покосилась на ближайший дом. Серая стена не пускается в пляс, не кружится вокруг, не пытается сбежать по проулку – с головой у меня все в порядке. Так почему же его слова мне кажутся такими невероятными?

– От кого угодно – от своих, от чужих. Знакомство с тобой сейчас имеет большой вес.

Я уставилась на Макса. И в ответ получила такой же внимательный взгляд.

– Ты издеваешься? – прошептала я, словно сама боялась услышать эти слова. А еще больше – ответ на них.

– Пойдем домой, пока на тебя не напоролся еще один желающий получить сувенир. – Он обнял меня за плечи. – Скажем только Грегору, что мы ушли.

При упоминании о Грегоре я вспомнила нежное пожатие руки, произошедшее между Максом и певичкой.

– А как же Инга?

– Она останется и допоет концерт.

Его не удивило, что я знаю имя.

– Местная?

– Из Швеции. В переводе со скандинавского ее имя означает «властная». – Макс говорил, а сам как будто к чему-то прислушивался.

– Разве ты ей не назначил свидание?

Раздражение кипело в душе. Хотелось Макса поддеть. Но у меня, как всегда, ничего не получилось.

– Я ее давно знаю, и если бы мне захотелось с ней встречаться, я бы это сделал сорок лет назад. У вампиров встречи друг с другом не приняты. Как однополярные магниты, мы скорее будем отталкиваться, чем притягиваться.

Макс довел меня до двери, за которой шумело многоголосье.

– Пойдем-ка мы через черный ход. – Он резко развернул меня.

– Нас кто-то ждет за дверью? – уперлась я.

– Ты знаешь человека, что разговаривал с тобой за столиком?

Я остановилась, но Макс уверенно вел меня вперед, и я была вынуждена переставлять ноги, чтобы не быть насильно перенесенной. Так значит, это была ревность? Он мстил мне

разговором с Ингой за то, что я беседовала со Стигом?

– Первый раз вижу, – процедила я сквозь зубы. – Стиг узнал, что я русская, и подошел поболтать. Он неплохо говорит на языке Пушкина и Толстого.

Макс терпеливо дослушал до конца мою нервную тираду. Кивал на каждое слово. Хорошо разговаривать с вампиром! Никогда не перебьет! Терпеливо дождется, пока не выскажешь все глупости, что накопились в голове.

– Он Смотритель, – спокойно ответил Макс. – И Инга с Грегором переживают по этому поводу. Это первый Смотритель в Медлинге за всю историю его существования. Грегор был готов все бросить и уйти. Я уговорил их остаться, потому что Смотритель пришел не к ним. Он пришел к тебе.

– Смотритель?

Я вызвала в памяти лицо Стига. Круглое, невыразительное. Серые глаза. Залысины. Запах пива изо рта.

– А ему-то я зачем понадобилась?

Здесь уж я остановилась, и никто не в силах был сдвинуть меня с места.

– Затем же, зачем и Джерому – познакомиться.

Я машинально ощупала карманы. Конечно, еще одну перчатку я могу дать на добрую память. Беспарный предмет одежды мне самой не нужен. После нее останется только пуговицы раздавать. Но искать по магазинам похожие, а потом пришивать их я не согласна.

– Он сказал, что местный, – пробормотала я в растерян-

ности. – Что заметил новое лицо…

– Из Вены, вероятно.

Говорил по-русски… Подослали специально подготовленного… Спрашивал, как долго здесь будем… Куда завтра пойдем… Так вот почему мне с ним было так неуютно! В его словах я чувствовала подвох.

– Начинается охота?

– Нет. Я уже говорил – он хотел познакомиться, чтобы потом козырять перед всеми твоим именем.

Я посмотрела вокруг. Из бара шла легкая тревога – там маялись в неизвестности два вампира.

– Кто же тогда остальные в зале?

Я представила, что вся эта гомонящая толпа состоит из Смотрителей.

– Простые люди. Грегор говорит, что их слишком много. Он думает, что их сюда специально пригнали.

– Смотрители? – Что-то меня заклинило.

– Скорее всего, вампиры. Когда этот тип к тебе подсел, я честно пытался его прогнать. Но Смотрители не поддаются влиянию. А вот остальные по одному щелчку могли начать говорить громче или тише. Это значит, что на них уже воздействовали.

– Где же находятся те, что это сделали?

– Где угодно. В Вене. Это в тридцати километрах отсюда. Могут спрятаться в горах. Достаточно одного воздействия на человека, чтобы дальше он поступал по схеме. Заложенная

программа сама включится в его голове, когда придет время.

Макс провел меня через кухню, и я посмотрела сквозь стеклянные окошки в зал. Мой столик был не виден, зато веселящаяся толпа проглядывалась хорошо. Зрители галдели независимо оттого, играла музыка или нет. Понятно, люди пришли смотреть не на музыкантов. Хотя скрипач с басистом честно пытались перекрыть гам посетителей. Инга что-то тянула на низкой ноте. В ее понимании, это была песня.

– И что сейчас делает Смотритель? – несмело спросила я. Вдруг у моего коллеги хороший слух?

– Ждет, когда ты вернешься. Вероятно, хочет попросить автограф.

– Сплюнь, – дернула я его за рукав.

– Значит, стащит бокал, – Максу понравилось иронизировать на эту тему. – Там остались отпечатки твоих губ.

– Макс!

– Грегор идет.

Любимый придержал створку двери, пропуская приятеля.

– День сегодня… – Вампир выглядел напряженным – плечи ссутулились, смотрит исподлобья, жмет губы, скрывая клыки. – Зря вы приехали.

– Завтра уедем, – заверил его Макс. Ну вот, а мне здесь так понравилось!

– Уезжайте! – Грегор не смотрел на меня. – Концерт на сегодня закончился.

Очень хотелось ему что-нибудь сказать – что никто не ви-

новат, что лично я против него никогда не пойду, что, если надо, я могу выгнать этого наглого Стига из клуба и послать его подальше, чтобы он не возвращался. Но мои слова тут были явно не нужны.

Волнение нахлынуло на меня, заставив ладони неприятно вспотеть. Я потянула Макса – здесь нам делать было нечего.

– Можно тебя на минуту?

Инга выступила из темноты, и я вздрогнула, потому что была уверена – певица на сцене. Чтобы оказаться тут, ей пришлось бы пройти через дверь, около которой мы стояли.

Вблизи девушка еще больше напоминала парня. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать. И только темные круги под глазами ее заметно старили.

– Инга, не надо! – зашевелился в своем углу Грегор.

Я глянула на Макса, уже поняв, что сейчас будет, но еще отказываясь в это верить.

– Распишись!

Инга не разменивалась на слова. В ее руках из пустоты появился глянцевый лист. Он матово отсвечивал в полутьме кухни. И поначалу показалось, что он бело-черный, с каким-то абстрактным рисунком. Но вот вампирша приблизилась, и я потеряла дар речи.

Это была моя фотография. Непривычно большая, форматом с альбомный лист. Белый фон, волосы разметались. Глаза были зажмурены, и от этого весь мой вид стал наивно-восторженный. Губы сжаты в тонкую линию.

Во всем этом было что-то знакомое, но от неожиданности я никак не могла собраться с мыслями.

В онемевшую руку мне сунули открытый черный маркер. Я еще успела почувствовать резкий парфюмерный запах – фломастер был свежим, им не пользовались. Я бездумно смотрела на черный скошенный кончик. Под ним оказался край фотографии. Попыталась расписаться. Не уверена, что нарисованная закорючка была похожа на мой автограф.

– Спасибо!

Инга порывисто обняла меня. Этот неуместный жест заставил меня очнуться.

– Откуда? – Я ткнула в лист.

– О! Это было несложно, – махнула рукой Инга, исчезая за дверью.

Я посмотрела на замерших вампиров. Судя по напряженным мордам, они все знали.

– Так зачем мы сюда зашли-то? – швырнула я маркер Максу под ноги. – С Грегором попрощаться? Попрощался? Или у тебя в кармане лежит список жаждущих получить автограф?

– Маша, пойдем. – Макс попытался поймать меня за руки. Фигушки! Так просто я не дамся!

– Куда? В зал? На улицу? – бушевала я. – Каких еще ждать сюрпризов от нашего свадебного путешествия?

Сюрпризы! Точно! Нам их обещали! Что ж не предупредили, что они будут множиться, как обвал в горах? Джером, Инга, Стиг! Кто на очереди?

– Тише!

Он прижал меня к себе, пытаясь вытолкнуть из кухни. Меня все бесило. И в первую очередь – Грегор! Какой молодец! Испугался он! Смотритель его смутил. А притащить ко мне вампира – это в порядке вещей?

За дверью раздалась барабанная дробь – перерыв закончился, музыканты пошли выступать.

– Пусти! – рвалась я из каменных рук. – Я его сейчас убью!

Но было понятно, что мимо Макса мне не пройти. И тогда я накинулась на него.

– А ты чего стоишь? – ударила я его руками по груди. – Доволен? Мы же сюда специально приехали? Скажи! Специально? Ты надоумил эту татуированную кикимору подойти ко мне? Пообещал, что защитишь, если мне что-то не понравится? Ты же у нас постоянно кого-то защищаешь! Всех! Но не меня!

Я снова билась, а Макс снова сдерживал меня. Не помню, как я оказалась в комнате гостиницы. Металась от стола к кровати, выкидывала вещи из шкафа, пинала неудачно попавшийся на пути ноутбук.

– Ненавижу вампиров! Ненавижу! – орала я. Голос мой, словно подчиняясь желанию Макса, тонул в стенах номера. – Обманщики!

А потом воздух в легких кончился, и кричать стало нечем. Макс стоял у меня за спиной и так крепко обнимал, что вздохнуть не получалось. Вырваться тоже. Я была словно

прикована к Альпийским горам.

– Я не знал, что она так поступит. Грегор тоже. Еще утром я запретил Джерому подходить к тебе близко. Если хочешь, я найду его и верну твою перчатку. Не уверен, что количество паломников от этого уменьшится.

Он отпустил меня, и я покачнулась, потеряв такую надежную опору.

– Обними меня, – прошептала, протягивая руку в пустоту.

В ту же секунду мир наполнился Максом. Он держал меня, и я знала, что никогда-никогда больше не отпустит.

Глава III
Свита для королевы

– Маша! – Голос ворвался в сон. На секунду я себя увидела словно окруженной березками. Кто-то звал меня, прячась за деревьями.

И все закончилось. Я лежала в кровати, в Медлинге, в гостинице. В голове крутилась мысль, что вчера произошло страшное. Сон тут же улетучился, я стала прогонять в памяти события минувшего дня. Утро, прогулка, поход в клуб, Джером, Стиг… Не то. Снимок! Вот что меня заботило! Он был явно с фотика Макса. Мне даже показалось, что именно его я и увидела в своем сне.

Как он мог попасть к Инге?

Надо было срочно об этом поговорить с Максом. Но его в комнате не было. Пошел в ресторан?

Я быстро переоделась, набросила пальто и побежала вниз. Проходя через холл первого этажа, услышала нарастающий гул и треск двигателей мотоциклов. Дыхание на мгновение перехватило.

Вампиры развлекаются! Эту картину я легко могла представить. Грохот будит тихий город. От шума он присел и замер. Мотоциклы мчатся по улицам. Я видела их – три черных монстра ворвались в Медлинг с севера, прогнали с цен-

тральной площади голубей, взвихрили зазевавшиеся прошлогодние листья. Массивную фигуру Грегора я узнаю всегда. Следом Макс. Замыкает пара. Кто такие, не понятно. Они мне были неинтересны, поэтому я снова мысленно поискала Макса. Сейчас они будут около гостиницы!

Я подошла ближе к дверям, отсюда сквозь стеклянные вставки была видна улица. От раскатистого эха зазвенели стекла. Черный массивный драндулет пролетел стремительно, я не разглядела седоков. Второй чуть затормозил у подъезда. Грегор обернулся, но его мощный скакун понесся вперед. Третий мотоцикл показал только переднее колесо. Я отступила назад, давая Максу возможность войти. Именно он приехал на этой машине.

– Ты позавтракала?

Любимый застыл около меня. Черная кожаная куртка, черные кожаные штаны, низкие ковбойские сапоги. Из руки в руку перебрасывает коричневую перчатку. Вау! Да у меня красавец-принц! И как это я раньше не замечала? Черный ему к лицу.

– Еще не успела. – Хотелось повредничать.

За дверью снова затарахтело. Грегор газовал, давая понять, чтобы мы поторопились. Что-то ему опять не нравится.

– Кто третий?

– С нами Инга и Джером. Он хотел принести извинения за свой поступок.

– Пускай катится к черту!

– Считай, что он уже там. – Макс снова махнул перчаткой, и только сейчас я ее узнала – коричневая. Моя. Ночью прошел маленький кровопролитный бой, в результате которого один вампир у другого отобрал трофей в виде дамской перчатки?

– А как же быть с фотографией? – Перчатку не взяла. Раз уж отобрали, пускай с ней и носятся.

– Инга сказала, что скачала твой портрет из Интернета. – Макс сделал шаг назад, окидывая меня взглядом с ног до головы. – Ты сегодня великолепна! – Он притянул меня к себе. – Доброе утро.

Я закатила глаза. Ну конечно, в понимании вампира, только такое утро и может быть добрым – с грохотом, шумом, непонятной фотографией и украденной перчаткой.

– Не переживай, – прошептал он мне в макушку. – Это все ерунда. – И ненавязчиво вывел на улицу.

Воздух был полон вонючими выхлопными газами. На крыльце стоял хмурый хозяин гостиницы. Молчал. Уверена, через пять минут он забудет о явлении сумасшедших байкеров, но пока мужчина был полон негодования.

Грегор, как всегда, мрачно на меня посмотрел.

– Проедем немного в сторону Вены. Там красиво.

Большего количества слов от него не дождешься. Я невольно отметила, что черная куртка ему очень идет. Цепочки и заклепки придавали его образу законченный вид. Настоящий рыцарь дорог как-то так и должен выглядеть –

суров, замкнут, серьезен.

Мотоцикл Джерома был легче и не так солиден, как у остальных. Наверное, потому, что сидящий на нем водитель был облачен в неожиданную красную куртку с молниями в самых немыслимых местах. Даже на локтях. Из-за его плеча выглядывала равнодушная ко всему Инга. Интересно, фотографию она теперь будет с собой таскать? Макс метнул в сторону композитора перчатку. Вампир легко перехватил ее и, подняв мотоцикл на заднее колесо, промчался по переулку.

– Нам в другую сторону, – проворчал Грегор.

– Они все перед тобой извиняются и обещают впредь вести себя цивилизованно, – обронил Макс.

– То есть автографов больше не будет? – Я смотрела на Грегора. Он демонстративно фыркнул.

– Только если парочка, – съязвил Макс. Он подал мне шлем. – Замок Лихтенштейн в десяти километрах отсюда. Тебе понравится.

Я хихикнула. До чего же люблю вампиров. Наговорила вчера каких-то глупостей. Как я могу без них жить?

Макс кивал, как всегда угадывая мои мысли. Он меня тоже любил. Об этом можно было не говорить. О чувствах Грегора я не стала думать. Душа чужого вампира потемки.

Я натянула шлем и устроилась за спиной любимого.

– Ты же говорил, что вампиры не должны привлекать внимание! – напомнила я. – А тут такой грохот.

– Запомнят грохот, мотоциклы, а не тех, кто ими управ-

лял.

Мы осторожно вырулили из переулка и понеслись по улицам. Уверена, с такой скоростью по городу ездить нельзя. Но правила дорожного движения вампиров волновали в последнюю очередь.

Город остался позади, мы мчались по кромке Венского леса. Каменные отроги отзывались на наш грохот меловой крошкой оползней. Дорога вильнула в сторону. С широкой хорошей трассы мы свернули на усыпанную гравием аллею. Деревья нависали над нами густым пологом.

Когда мотоциклы смолкли, в ушах еще какое-то время звенело, так что я никак не могла расслышать пения птиц.

Белая громада замка нависала над зеленым покровом леса. Он словно парил над горным уступом, малейший порыв ветра мог оторвать его от земли и унести ввысь. Он казался непривычно узким, создавая впечатление хрупкости. Я смотрела на всю эту красоту, и у меня кружилась голова. Замок был похож на корабль с башней-носом и центральной частью под длинной черепичной крышей. Скупой разнобой окон. Дворец словно рос из земли, всю свою жизнь пытаясь дотянуться до солнца.

– Замок Лихтенштейн, – голосом экскурсовода заговорил Макс, – был построен в 1135 году.

– Девятьсот лет? – невольно перебила его я. На Руси еще татаро-монголы злобствовали, а тут уже замки строили.

– Он долго строился и расширялся, – Макс скептически

оглядел нависающую над нами громаду, словно прикидывал, каким все здесь было чуть меньше тысячи лет назад. – Во времена войны с Османской империей его почти полностью разрушили и стали восстанавливать в девятнадцатом веке.

– А внутрь пускают?

Задала вопрос и смутилась. Вампиров пускают везде.

К замковой площади, усаженной деревьями, вела широкая лестница, левым краем примыкавшая к стене замка. Грегор поднялся первым. Инга с Джеромом держались от нас на расстоянии, стараясь не выходить вперед.

Ступеньки у меня под ногами были старые. Изъеденный дождем и временем камень, шершавый, жестко впивающийся в подошвы.

Мне почудилось, что я слышу далекий звон металла о металл, словно где-то там, высоко, на последних этажах, дрались. Но все это было только отголоском древних событий. Наверняка замок осаждали, и не раз. Эти ступени и эти стены, а может быть, и эти деревья помнят звуки сражений – грохот мечей, ржание коней, возбужденные крики бойцов.

Сделала еще два шага и снова была вынуждена остановиться. Сердце заколотилось. Неожиданно пришло осознание грядущей беды. Или это всего лишь воспоминание о бедах, здесь происходивших?

– Что? – холодная рука Макса вернула к реальности.

– Наверное, тут было много сражений, – криво усмехнулась я.

– Не думаю, что этот замок хоть что-то помнит. После Второй мировой войны были проведены восстановительные работы. Новодел. Ничего исторического в этих камнях нет.

Он предложил мне пройти вперед, и я с удовольствием оперлась о его руку, силой выгоняя из головы все тревоги. Рядом много вампиров, это и рождает лишние фантазии.

А замок действительно был основательно в свое время разрушен. В холле первого этажа рядом с кассами висела картина неизвестного художника, на которой были изображены голые окна замка, сквозь которые просматривалось синее небо. Ни крыши, ни красивых белых башенок. Одни стены. Да, это было настоящее место сражений. Руины. Сейчас же все восстановлено, а поэтому равнодушно к потоку времени.

Высокий гулкий коридор вывел нас к винтовой лестнице, поднявшись по которой мы попали в парадный зал. Из широких полукруглых окон падал яркий свет. Стены были украшены длинными разноцветными флагами. Почти на каждом изображен грифон или лев, вставшие на дыбы. Желто-синий, бело-красный, бело-синий флаг. И только один по центру зала над камином был красно-бело-синим. Вдоль голой стены, на которой просматривались очертания крупных белых кирпичей, стояли темные от времени кресла с низкими спинками. Массивный стол со стилизованными тяжелыми подсвечниками. Во главе стола кресло с высокой спинкой, увенчанной королевской короной. С двух сторон стола

лавки без спинок, но зато с изящными ограничителями по бокам – чтобы подвыпившие гости не валились на пол от неловкого движения. Коричневые балки потолка въедаются в белые стены.

– В замках долго не жили. – Макс шел, ведя пальцами по столу. – Отмечали победу и собирались в новое сражение. Здесь всегда было холодно. Окна без стекол, сквозняки. Камины сушили воздух, но грели слабо.

С потолка спускалась люстра – медная лента, замкнутая в круг, с четырьмя симметрично расположенными держателями для свечей.

– Не богато, – согласилась я, разглядывая королевскую корону наверху спинки кресла.

Бесшумно вошли Инга с Джеромом, застыли возле камина. Черный зев хищно распахнул свою пасть в мою сторону. Я вцепилась в спинку кресла.

– А вам здесь нравится? – За все утро от этой парочки я не услышала ни ответа, ни привета. Ходили за мной немой стражей.

– Нормально, – отозвалась Инга, не двигаясь с места. Тоже мне фанатка!

Я отвернулась от нее, демонстративно усаживаясь в кресло. Подлокотники оказались высоковаты. Да и жестко было. Могли бы хоть подушку подложить.

– Не по размеру костюмчик, – буркнул, проходя мимо, Грегор.

О, великий барабанщик, ты всегда внимателен ко мне.

Я поерзала, усаживаясь глубже. Окинула взглядом длинный стол.

– Завтра пойдем в поход, – громко произнесла я, выбрасывая руку вверх. – Впереди нас ждет много сражений. Добычу разделим поровну. А из головы врага я сделаю пиршественную чашу и буду пить из нее за процветание моего рода.

Вампиры у камина не шевельнулись. Грегор недовольно покачал головой. Макс смотрел на меня, чуть скривив губы в натянутой улыбке. Выражать эмоции он умеет плохо.

Да… кисловатая у меня компания. Двое молчат, один дуется, третий пребывает в хроническом восторге.

Я положила на стол руки, и меня словно током прошило. Пальцы дрогнули, пришлось силой заставить их замереть.

– Макс!

Джерома как ветром сдуло с места. Композиторы народ нервный, неустойчивый, чувствительный к грядущим переменам. Грегор прилип к окну. Макс сидел на лавке, постукивая по поверхности стола. Одна Инга стояла, равнодушно глядя перед собой.

– Грегор, ты опять позвал гостей? – Напряжение внутри росло. Я готова была взорваться от негодования.

– Вампиры. Идут с севера, – вместо приятеля отозвался Макс.

– Не звал я никого! – Грегор перешел к другому окну.

Я сжала кулаки. Все было похоже на плохую мелодраму,

где каждый шаг влечет неминуемые неприятности. А я ведь даже предположить не могла, что это засада. Думала, и правда прогуляемся, замок посмотрим. Если на нас сейчас нападут… Снова оглядела темные балки, провисшие флаги. От камня под ногами тянуло холодом. Как жаль, что все это новодел, окружающие предметы ничего не помнят, из них нельзя брать информацию. Но ведь сражения были именно здесь, на этом месте. Черт! Что же Макса вечно тянет в те места, где когда-то что-то уже происходило!

Давно я не строила арканов, поэтому с ходу ничего не могла придумать. Вокруг меня было слишком мало предметов. Стол, лавки, стулья, подсвечники, флаги. Не то. Нехотя, словно сопротивляясь, в голове моей стала выстраиваться цепочка. Кресло от стола в центр зала, разбить окно, бросить осколки к камину.

– Инга, в сторону!

До сих пор мне не удалось узнать, почему вампиры так любят этот предмет интерьера. Камин притягивал их. Если бы я была настоящим Смотрителем, около каждого развесила бы простенький аркан, и в мире стало бы гораздо меньше вампиров.

Я успела крикнуть, и тут же холодный вихрь задвинул меня вместе с креслом в угол. От удара сверху обвалился бело-синий флаг и с шуршанием опустился мне на голову. Я забилась, но меня придавили, и я потеряла возможность двигаться.

Сердце колотилось, пытаясь выскочить из груди.

– Пусти! – Можно было не сомневаться, что держит меня Макс.

А вокруг стояла тишина. Неправильная. Невозможная. Если они едят друг друга, то должны хотя бы чавкать.

Я с яростью дернулась, пытаясь встать.

– Они не тронут, – раздался голос Грегора.

Флаг с меня сорвали, и от свежего воздуха я закашлялась.

Дрянная пыльная тряпка. У меня попытались ее отобрать, но я потянула полотнище на себя. Чтобы моя голова начала соображать, по ней надо было просто стукнуть, зато теперь я могла составить прекрасный аркан. И это полотнище в нем сыграет центральную роль.

– Все в порядке, – гудел у меня над головой Грегор. – Это так, гости.

Я выглянула из-за спин моих милых охранников. У камина стояли трое. Две девушки и высокий мужчина с пронзительным взглядом светлых глаз. Он был красив болезненной надломленной красотой. Тонкий профиль, аккуратный росчерк бровей, глубокая морщинка над переносицей, длинные волосы. Девушки рядом с ним терялись. О них можно было сказать, что одна светлая, другая темная.

– Они пришли просить защиты, – все так же, на одной ноте тянул Грегор.

– Чего просить? – В голове моей еще звенел выстроенный аркан, каждую секунду он менялся, в зависимости от ситуа-

ции появлялись все более удачные варианты.

– Фан-клуб. – Макс присел на подлокотник кресла, сложив руки на груди.

– За автографами? – уточнила я, выбираясь на свободу. Говорить из-под локтя Макса было неудобно. Бешенство заставило меня выпрямиться. Сейчас я этих фанатиков-математиков уничтожу!

– Маша, остановись, это закономерно. – Макс коснулся моего локтя, заставляя прийти в себя. Что-то я последнее время кровожадной стала. – Эдгар покровительствовал вампирам. Ты победила Эдгара. К тебе перешли его обязанности.

Я с трудом проглотила комок, застрявший в горле. Хорошо, что я не убила дракона, охраняющего клад, а то бы покрылась чешуей и клацала зубами. С победителями драконов так обычно и происходит. На моем пути попался Эдгар, сильный вампир, решивший померяться силами со мной и Максом. Но в той войне я была не одна. Весь мир встал на нашу защиту. Вампиры со Смотрителями, кстати, тоже. Мы с Максом были только катализаторами. С чего вдруг все это счастье обвалилось на меня одну? Мне еще Аскольд с Олафом помогали. Где эти милые вампиры из Швеции? Или все же как с кладом? Победил дракона – становишься драконом. Победил вампира – становишься… А вот это вы врете. Мы из соседней сказки. У нас другие правила.

– Я не собираюсь им ничего дарить. Последние перчатки

отдала композитору! – воскликнула я, чувствуя, как в моем голосе начинает пробиваться истерика.

Макс с Грегором переглянулись. Мужчина пошел ко мне. Фантазия услужливо подсунула картинку. Вот он доходит до кресла, падает на колено и со словами: «О, моя королева!» – предлагает мне свой меч и жизнь. Что-то похожее было в «Дон Кихоте».

Макс не шевельнулся. Как сидел, сложив руки на груди, так и остался в такой позе. Значит, драка отменяется. Мы будем слушать условия перемирия.

Вампир скользнул до противоположного угла стола и остановился. Девушки тенью следовали за ним. Я успела рассмотреть, что у одной из них милое круглое лицо, обрамленное светлыми кудряшками. На щечках от натянутой улыбки образовались ямочки.

– Нам достаточно будет слова.

Вампир пропустил все то, что я успела придумать, – приветствие, громкие хвалебные оды, парочку тостов во здравие, россыпь комплиментов. Начинаю привыкать, что в адрес вампиров я все больше обманываюсь. Сразу перейдем к делу. Сувениры отменяются, составляем устный договор: «Перед лицом своих товарищей торжественно клянусь…»

– И вы всем станете говорить, что знакомы со мной? – нервно отозвалась я. – Тогда вам нужна будет моя вещь.

– Это необязательно, – качнул головой вампир. – Знакомство не всегда требует подтверждения.

– Сергей, давай быстрее, – подогнал вампира Макс, и я покосилась на него. Всегда сдержанный и терпеливый, сейчас он решил отказаться от этих качеств.

– Хорошо! – Вопреки тому, что его торопили, Сергей медленно достал из заднего кармана джинсов что-то, похожее на тетрадку, и бросил на стол. – Пускай это будет у тебя. Мы рассчитываем на твою лояльность.

Не понравились мне эти метания предметов через стол. Я нагнулась, вглядываясь в подношение. Блокнот, сверху прикреплена ручка. На обложке глянцевая фотография. Я и Макс. Внизу переплетались две буквы «М».

Реальность вокруг меня позорно дезертировала. Я бы, наверное, свалилась, если бы не пыхтящий рядом со мной Грегор.

– Там еще календарики есть, – буркнул он, поддерживая меня.

Макс отсутствующим взглядом смотрел в сторону. Он об этом знал.

– Что там есть? – Надо было хоть что-то сказать. С каждой секундой действительность все больше и больше походила на фильм-катастрофу.

– Календарики на следующий год. Симпатичные. Ты очень хорошо получилась.

Я оттолкнула от себя Грегора и пошла в обход стола.

Блокнот был обыкновенный, на пружинке. На белой ручке были вытеснены красные переплетенные буквы «М». Две

штуки. Как на блокноте. Я отказывалась верить в то, что видела. Машинально перелистала страницы. На каждой чередовался слабо-размытый то мой портрет, то портрет Макса. На пол посыпались глянцевые картинки.

Ну вот, теперь у меня есть портрет любимого. Так его и назову – «мой любимый вампир». Все, как я хотела.

О чем я думаю?

Пнула разлетевшиеся по полу календарики. Непонятно, когда они все это успели сделать, если фотки стащили только вчера. Хотя от вампиров можно было ожидать чего угодно.

– Фотоаппарат верните, – потребовала я, отворачиваясь.

– Он на месте. – Сергей даже бровью не повел.

Не вампиры, а сплошные жулики.

– Больше ничего не надо? – Я изобразила на лице гаденькую улыбку. Этот «кошмар под Рождество», кажется, никогда не кончится.

Инга все так и стояла около камина. Делала вид, что ее все это не касается. Уверена, даже не шелохнулась. Будет валиться замок, останется стоять на том кусочке пола, что понесется в тартарары. Тряхануть бы ее как следует, все бы узнать… Фанатики-маразматики!

Вампиры молчали. Все вампиры в зале молчали. Одни соловьи за окном надрывались. Видимо, где-то была открыта форточка. Птиц было хорошо слышно.

Ручка с щелчком открепилась от толстой обложки блокнота.

Никто не шевельнулся. Стоят, замерев, как вечность.

Перекинула первые две страницы. Писать в начале тетради плохая примета, начнем с середины.

Чернила в ручке оказались черными. Я размашисто написала «Удачи!» и внизу приписала букву «М». Перевернула листок. От волнения рука дрожала. Подпись. Еще одна. Росчерк на всю страницу. «М» похожа на завалившуюся избушку Бабы-яги. Швырнула блокнот обратно через стол.

– Можете разобрать на сувениры.

Сергей вдруг стал клониться вниз. Я увидела, как у него одеревенело лицо, как медленно на нижнюю губу стали наползать клыки.

– Всем стоять! – крикнул Макс, белой тенью проносясь через зал.

– Только попробуй предать нас, – хрипло, с одышкой выплюнул из себя Сергей.

Ручка упала на пол. Я впервые видела такую страшную трансформацию. Сергей изменился совершенно. Нижняя челюсть у него вытянулась, глаза потемнели, волосы встопорщились.

Я присела, подтягивая к себе полотнище. Сначала оно пошло легко, но потом застряло.

– Во дворе Смотрители. – Грегор наступил на флаг и теперь смотрел на меня тяжелым, ничего хорошего не обещающим взглядом.

– При чем тут я? – по-детски выкрикнула, чувствуя под-

катывающие к горлу слезы. Как же мне все это надоело! Мы же поехали отдыхать.

Глаза всех вампиров были устремлены на меня.

Видимо, они были другого мнения.

– Строй защиту! – бросился ко мне Грегор. У него к Смотрителям была отдельная неприязнь. Однажды он провел у них в гостях больше месяца. Вряд ли барабанщик группы из Медлинга хотел повторить этот визит.

– Какую защиту? Я понятия не имею, кто это! – стала я отпихиваться от него. Но толкать вампира все равно, что пытаться сдвинуть с места Джомолунгму, – только руки отобьешь.

Сергей резко опрокинулся на спину. Серая тень мелькнула по полу.

– Останови его! – крикнула я застывшему Грегору. – Скажи, чтобы не двигался с места!

Вампир вдруг легко поддался под моей рукой. Сделал шаг в сторону, размытым отражением скользнул следом за Сергеем. Я попыталась отследить взглядом за его перемещением и уперлась глазами в арку выхода.

Тут не все новодел! Перекрытия, крыша. Но пол остался таким, как и раньше. Оконные проемы на тех же местах, на каких были в 1135 году. Я подбежала к стене между двумя окнами, положила на нее ладони. Рукам стало жарко. «Я никого сюда не пущу», – пообещала, мысленно опуская вдоль стен замка железный занавес защиты.

В дверь медленно вошел Сергей, мимо него проскочил Грегор. Во взгляде читалось: «Не опоздал?» Я отвернулась от него.

«Запираю границу на семь запоров, на семь ключей. И как вечно шумит Море Окиян, так вечно будут держать те запоры…» – запел в моей голове голос. Жаль, нет под рукой трех подсвечников, красной шторы и зеркала, чтобы сделать простенький аркан на неудачу. Простое – самое надежное. Я не была уверена, что колдовской заговор здесь подойдет.

Сквозь мой голос стала пробиваться пронзительная нота. Словно одинокая птица пела в небесах: «Тень, тень, тень». Или так звенела струна. Выстроенная мной защита заколебалась, готовая вот-вот рухнуть. Кажется, против моей силы нашелся более весомый аргумент? Однако! Отвыкла я от таких серьезных соперников.

Я выглянула в окно. На замковой площадке стояло человек семь. Парень забрался на высокий парапет, пристроил на колени гитару. «Брень!» – назойливо звучала струна. От этого звука, от вибрации струны мелкими осколками осыпалось мое непрочное заклятье.

На секунду мне показалось, что мы и правда вернулись в двенадцатый век. Ко двору герцога пришли бродяги-менестрели и просят разрешение повеселить хозяина. Вот только герцог сейчас страдает желудочной болезнью и не готов принимать гостей. Пускай недельку посидят в темнице. А там видно будет.

Я глубоко вздохнула, пытаясь почувствовать силу этих людей. Но они были закрыты для меня. Не чувствую я Смотрителей. Совсем.

– Ты границу аркана отследи, а мы их сделаем, – зашептал у меня над ухом Грегор.

– Вы им не нужны, – покачала я головой. – Это мой бенефис. – Толкнула створку окна. – Будешь по мне скучать, смотри на календарик. Я и правда неплохо получилась на снимке.

На треск оконной рамы Смотрители обернулись. Я узнала своего вчерашнего знакомца. Стиг улыбался. Казалось, вчерашняя ухмылка приклеилась к его лицу и теперь он не может ее снять, не повредив внешности.

Из-под арки появилась темная вихрастая голова Макса. В глазах у меня потемнело. Макс медленно пересек замковую площадь и остановился.

Грегор что-то успел мне крикнуть, но я уже бежала к лестнице. Кудрявая блондинка с ямочками на щечках прижалась к стене. Запястья ломило от боли, в кончиках пальцев играли иголочки. Я успела мысленно дотянуться до леса. Сосны нехотя просыпались, недовольные, что их потревожили. Но вот мне удалось нащупать пару берез. Ну держитесь, крысы, сейчас я до вас доберусь!

Винтовая лестница показалась бесконечной. Шершавые стены били в ладони. Меня посетило ощущение, что это уже когда-то было, что я уже однажды бежала, молясь только об

одном – успеть!

Гравий под ногой мерзко хрустнул.

Макс стоял ко мне спиной. Я попыталась его обойти, но он сграбастал меня, не пуская вперед. Парень с гитарой опустил руку на гриф. Звякнула струна. Я же хотела только понять – жив? не тронули? где больно?

– Привет, Маша!

Я с удивлением обернулась на русскую речь. Никак не могу свыкнуться, что по-русски здесь может говорить каждый пень. Как я теперь поняла, к лингвистическим талантам это не имеет отношения. Просто мой родной язык в нашей тусовке становится международным.

Хозяин гитары приветственно махнул рукой. Он был чересчур подвижный. Все его тело беспрестанно совершало разные действия, суставы словно на шарниры насажены. Он не просто поворачивал голову, а словно плыл в бесконечном, никогда не прерывающемся танце.

– Я вас не знаю, – отрезала, потеряв драгоценный момент, и Макс задвинул-таки меня к себе за спину.

– Вы нарушили нашу прогулку, – пел родной голос. – У нас гости.

– И вообще – какого черта? – полезла я вперед.

– Мы хотели засвидетельствовать свое почтение, – четко, ни разу не споткнувшись, выговорил парень с гитарой. Словно каждый день произносил такие патетические речи. – Стиг не успел тебя вчера предупредить, что мы придем.

Стиг снова заулыбался. Ему не хватало бутылки пива, тогда бы его образ выглядел завершенным.

– А не пошли бы вы! – Мне неудобно было говорить, потому что Макс упорно не давал обойти его.

– Нежити здесь шестеро, но мы никого не тронем, – выдвинул свой аргумент гитарист.

Это я их сейчас трону! Нет, ну что за наглость?

И тут я перестала дергаться. Я им не верила. Ни одному слову. Я скорее поверю вампиру, чем Смотрителям. Но они остановили мой заговор, и все мои подпрыгивания сейчас ни к чему бы не привели.

Я громко выдохнула, упрямо сложив руки на груди. Хорошо, послушаем, что нам скажут, но не надейтесь, что чьи-либо слова будут иметь для меня хоть какое-то значение.

– Тебя тяжело застать одну, Маша. – Парень перехватил гитару, осторожно поставив ее на гравий площадки. – А когда ты с друзьями, наш визит неминуемо вызывает конфликт. Мы приносим свои извинения за испорченное утро. Мы можем с тобой поговорить?

– Макс, скажи всем, чтобы не волновались, – попросила я.

Любимый растянул губы в слишком широкой улыбке. Я видела, он сдерживается, чтобы не закинуть меня за спину и не броситься прочь отсюда. Хотя о чем я говорю? Какие волнения! У вампиров нет эмоций.

– Я сейчас приду, – попыталась я подогнать Макса словом.

Он не шевелился.

– Я люблю тебя. – Пришлось привстать на цыпочки, чтобы прошептать ему это в ухо.

– Вау! – хлопнул в ладоши Стиг. – Браво! Парень, мы ее заберем на секунду и вернем в целости и сохранности.

Жалко, что я не умею убивать взглядом. Мне очень хотелось, чтобы Стиг сейчас бился в конвульсиях башкой о камешки у моих ног. Но он стоял. И улыбался. Эта улыбка меня особенно бесила.

– Я останусь. – Макс посмотрел на Смотрителя, чуть склонив голову. Этот взгляд заставил Стига нервно хихикнуть. На фоне всеобщего серьезного молчания со своими ужимками и смешками выглядел он пошло.

Макс прошел мимо застывшей компании, взял в руки гитару.

– Ты позволишь? – глянул он на хозяина инструмента. И не дожидаясь ответа, присел около парапета. Коротко провел левой рукой по стене, обламывая ногти. В последнее время они у него здорово отросли.

– Мы остановились на почтении, – напомнила я, желая поскорее завершить эту неприятную встречу.

– А, ну да! – Стиг потер щеки, но улыбку не убрал. – Мы хотели заручиться твоей поддержкой. Ну что ты против своих же братьев-Смотрителей ничего не будешь предпринимать. И если что, то мы будем вместе.

– Если – что?

Дипломат из Стига был плохой. С первых же слов захоте-

лось послать его куда подальше. Как будто он не знает: «если что», то я его убью.

– Можно мне? – вышел вперед гитарист.

Макс резко оборвал аккорд, но на это никто не обратил внимание. Парень между тем продолжал:

– Олег не успел приехать. Ему бы ты скорее поверила. Он будет здесь через пару дней.

Решили подтянуть тяжелую артиллерию, московских Смотрителей? Конечно, с Олегом мне разговаривать было бы гораздо сложнее, чем с этой компанией. Но с другой стороны, таких глупых условий, как Стиг, он бы не ставил. Олег умен. И он хорошо меня знает. Он знает, что «если что», то я буду не за тех или этих, а за Макса. И только за него.

– Мы думали дождаться его, – на одной ноте вещал гитарист, – но эти упыри нас опередили, и пришлось поторопиться. Нам надо знать, защищаешь ли ты вампиров или мы можем рассчитывать на твою лояльность?

Макс наигрывал что-то знакомое. Кажется, я это уже слышала. В критические моменты в нем открывается масса талантов, о которых я раньше не подозревала. В девятнадцатом веке в Германии была популярна гитара?

– Что ты нам скажешь? – напомнил о себе хозяин инструмента.

Я оглядела собравшихся. Со мной говорили двое, видимо, только они знали русский. Остальные молчали, но смотрели на меня так, словно и без перевода все понимают. Они бы-

ли на удивление разные. За время общения с вампирами я привыкла к их болезненной красоте, к их мертвенной бледности. Люди же передо мной были высокие и низкие, худые и полные, с живыми заинтересованными лицами. Вздернутые в оживленном ожидании брови, прищуренные в напряжении глаза. Парнишка щиплет чуть пробивающуюся бородку. У девушки на скуле зреет прыщик.

– Я не думаю, что приму участие в каких бы то ни было играх, – сухо ответила я.

– Пока эти игры не касаются тебя, возможно. Но в конце концов войны добираются до каждого дома.

– Войны больше не будет. – Я чувствовала слабость своей позиции. Если бы от меня хоть что-то зависело!

Парень покосился на Макса, но все же сделал шаг вперед. Мог не утруждать себя, вампир бы его услышал, даже если бы гитарист шептал мне на ухо.

– В последних событиях пострадало много нежити, и хотя виноваты больше они, чем мы, вампиры собираются восстановить статус-кво, подправить пошатнувшуюся репутацию.

– Я не дам им ничего сделать. Войны не будет, – повторила я. Как будто от меня тут что-нибудь зависело! Я была вечным участником чужой игры.

– Ситуация сложнее, чем может показаться. – Вкрадчивый голос, темные внимательные глаза. Смотритель обладал определенным обаянием. А главное – он знал, что умеет очаровывать, и в открытую этим пользовался. В ответ я только

упрямо поджала губы. Если бы взаимоотношения людей основывались на обаянии, мир был бы сказочным. – Из Нордкина вернулся Антон. Он собирается мстить.

– Кому? – История с Антоном и Ириной мне казалась завершенной. Врет он все!

– Вурдалакам, – легко произнес музыкант. Присутствие Макса его не смущало. Я бы за «вурдалака» врезала. Его никто не обзывает припадочным – вон как моргает. Наверняка это реакция на вампиров. – Если его не удержат в Москве, то он превратится в Черного Смотрителя, будет работать сам на себя.

– Если что-то и произойдет, то вы здесь будете ни при чем.

Я впервые слышала о таком понятии, как Черный Смотритель. Что-то родственное черному копателю? Видимо, во все времена появлялись люди, не желающие подчиняться правилам, использующие свою силу без ограничений и норм.

– Когда польется кровь, станет неважно, кто вынул из ножен меч первым. Нам надо знать, за кого ты тогда станешь.

За Макса! Какие еще могли быть вопросы? Никакие мировые войны и политические переделы вселенной меня не волнуют.

Аккорд снова прервался. На меня смотрело бездонное черное небо со звездочкой-зрачком по центру. Неужели Макс ждал моего ответа? Разве это не очевидно?

– Мы бы хотели заручиться твоей поддержкой.

Кажется, гитарист не сомневается в том, что я сейчас ки-

нусь ему на шею с криками, что всю жизнь только об этом и мечтала. Пришло время щелкнуть его по носу.

Я повернулась в сторону открытого на втором этаже окна.

– Грегор, – крикнула я в пустоту оконного проема, – подкинь пачку сувениров.

Из-за подоконника выпал небольшой прямоугольный предмет. Как мило. Грегор перетянул подарок резинкой, чтобы он не разлетелся на составляющие. Гитара не успела звякнуть, а Макс уже проскользнул мимо меня, подхватывая стопку календариков. Смотрители с опозданием шарахнулись в сторону. Макс вложил в руку застывшему музыканту картинки.

– Я не знаю, как убедить вас жить в мире. – Мне тоже хотелось бы придать своему голосу вкрадчивый напор. На фоне хозяина гитары я все же проигрывала. – У каждого своя обида. Но пусть это станет моим оберегом для вас. Тот, у кого есть этот календарик, будет под моей защитой. И неважно, у кого он в руке. Дальше мы будем разбираться по ситуации. Но я в войнах не участвую.

Музыкант с любопытством повертел в руке картонку. Он здорово держался. Вокруг ходили вампиры, а он даже не шелохнулся. Только моргать стал еще сильнее. Думаю, у них была здесь подготовлена своя защита. Вряд ли она была направлена на кого-то конкретно. Как бомба. Если уж взрывается, то накрывает всех. Ничего, я им тоже зла не желаю.

– Вампирские штучки, – произнес музыкант. – Молодцы,

подсуетились. Ладно, – он сунул календарики в карман. – Считай, что клуб почитателей твоего таланта увеличился. Но за мирными фанатами в конце концов приходят фанатики. Тебе не удастся отсидеться в стороне. Можно? – он склонился к Максу, отбирая гитару. Перекинул ремешок через плечо, устраивая инструмент у себя на спине. – Находиться рядом с тобой сейчас выгодно, – многозначительно добавил он, удаляясь.

– Все надеются, что ты вновь станешь Смотрителем, – произнес девичий голос, я не стала поднимать голову, чтобы посмотреть, кто говорит. – И гармония в мире восстановится.

Не буду отвечать. Для меня гармония выглядела несколько иначе. Но в этом мире она была невозможна. Видимо, мы теперь были обречены, каждый раз выходя из дома, встречать очередного гостя. А ведь есть еще Макс. Он тоже захочет меня куда-нибудь перетянуть. Как сказал этот гитарист? «Находиться рядом с тобой сейчас выгодно!»

С парковочной площадки, где мы оставили мотоциклы, долетело тарахтение моторов. Все рассаживались по своим авто и убирались кто куда.

Макс сидел мрачный. Скулы запали, взгляд напряженный. Правой рукой с длинными ногтями он меланхолично собирал в горсть камешки и ронял их обратно на землю. Смотрел перед собой. Губы жал. О чем думает? Вот так глядишь на человека, кажется, теорему Ферма сейчас докажет, а он на

самом деле «Чижика-пыжика» про себя проговаривает или какую-нибудь другую прилипчивую песенку твердит.

Под ногой скрипит галька. Холодный ветер теребит распахнутые полы пальто. Лес недовольно ворчит тысячами хвойных макушек.

Я села на землю рядом с Максом.

– Ты знал, что они сюда придут? – Мысли о плохой мелодраме не покидали меня.

– Нет.

Тонкий мальчишеский профиль, собранные в линию губы, чуть вздрагивающие крылышки носа, холодные черные глаза. Да он ведь голоден! Наверняка столкновение со Смотрителями вызвало у него дикую жажду. Как он, бедный, со всем этим борется?

– Макс… – позвала тихо.

Он резко поднялся, прошел передо мной бесшумно, словно не по земле двигался, а по воздуху. Слова роняет злые. Холодные. Все правильно. Мы должны об этом поговорить. Но хочется этот разговор отложить. Хоть на полчаса.

– Вампиры давно искали с тобой встречи. – Глаза на меня не поднимает. Говорит, глядя себе под ноги. – Смотрители тоже. До недавних пор мне удавалось всех разводить, чтобы такой встречи не получилось. Они выследили нас. О поездке никто не знал. Это я предложил Грегору взять мотоциклы и отправиться кататься. А перед этим всю ночь искал Джерома, чтобы открутить ему башку за то, что он тебя

напугал. Ты сказала, что я тебя не защищаю. Я не успеваю, события слишком быстрые. Они от меня не зависят. Вампиры теперь будут ходить за тобой по пятам, потому что ты их защита. Если ты выступишь за Смотрителей, вампиры окажутся в слабой позиции, и это будет знаком начала войны.

– Трогательно! – Устала. Зла. Раздражена. Как еще описать то, что поднимается у меня в душе? – Еще скажи, что ты со мной, потому что я такая популярная и могу кого-то защитить!

Черным клинком по мне прошелся взгляд ледяных глаз. Площадка опустела. Макс ушел.

Я метнула в ту сторону, где только что был любимый, горсть камешков. Да катитесь вы все! Подтянула колени, уронила голову на сложенные руки.

В мыслях пустота. Абсолютная. Пульсирует под челюстью жилка, сигнализируя о тревоге.

– Зря ты так. – Грегор скривился, нервно дернул носом – мне было лень, но я все-таки подняла голову, чтобы посмотреть на него. – Макс старается…

– Иди ты, знаешь, куда! – взорвалась я. – Или тоже за автографом прибежал?

Вампира мои слова не задели. Он демонстративно медленно прошел мимо, громко втянул воздух.

– Запах тут противный, – процедил он. – Ein Schmutziger[3]. Еще пристанет.

---

[3] Грязный (*нем.*).

Перемахнул через парапет. Заработал мотоцикл.

Я снова уронила голову на руки. Так гораздо лучше. Сейчас я зажмурюсь, и весь этот кошмар рассеется. Я больше не увижу никого. А когда проснусь… О, когда я проснусь, все будет иначе.

Добиралась обратно долго. Сначала шла пешком, потом ловила машину. И всю дорогу в голове было пусто. Ни одной мысли. Я только знала, надо дойти до гостиницы, там все определится.

У входа в гостиницу меня попытался остановить хозяин. Наверное, ему что-то не понравилось в моем внешнем виде. Я не стала вникать в его быструю речь. Сегодня слов было сказано достаточно.

За дверью нашего номера было тихо. Прислушалась к колотящемуся сердцу и вдруг испугалась. Макса там нет! Он ушел! Ушел навсегда!

Толкнула дверь.

Комната аккуратно убрана. Уходя, я оставила приличный беспорядок. А теперь – ни пылинки, все вещи на своих местах. На пустом столе лежит фотоаппарат.

– Макс! – позвала я.

Ответа не было.

Глава IV
Возмутители спокойствия

Осталось пройти пару метров по узкому коридорчику, чтобы увидеть всю комнату.

Угол шкафа, стул с брошенным на спинку халатом, край кровати с ровным, как поверхность стола, покрывалом. Покрывало желтое, с золотой вышивкой, тяжелая бахрома касается ворса ковра.

Последний шаг я сделала в пустоту. В вакуум. В бездну.

Макс лежал на своей половине кровати. Поверх одеяла. Неестественно выпрямившись. Положив руки вдоль тела. Белая рубашка, белые брюки, белые носки. Ни единой складочки. Глаза закрыты. Лицо словно мукой обсыпано – бледное. И только темные провалы ноздрей, тень под губами, утопленные в темное полукружье глаза. Графическая линия бровей и ресниц, волна волос ложится на идеально гладкий лоб.

Я не говорила, что белый ему очень идет? Или разговор шел о черном цвете?

Из меня вырвался совершенно неуместный всхлип.

– Ой!

Глаза Макса распахнулись, показались белки, затем радужка цвета неба.

Мои ноги приросли к ковру.

Его взгляд бессмысленно бродил по потолку.

– Ой, Макс, знаешь!.. – выкрикнула я, бросаясь к кровати.

Нога подвернулась, и я должна была упасть, ударившись о деревянный край каркаса, но холодное облако уже подхватило меня, опустило на пол, присело рядом.

Надо было просить прощения. Говорить, что те слова были необдуманными. Что я не ожидала всех этих визитов, а потому несла полную чушь. Что мне тягостно оставаться одной. Что я долго шла пешком. Что меня не пускал хозяин гостиницы. Что все сегодняшние события были настолько головокружительными, что я сама не понимаю, как себя теперь вести.

Но вместо этого сказала всего лишь: «Я так испугалась», – вложив в эту фразу все – и утро, и визиты, и хозяина. А главное – Макса, без которого мне дышать трудно.

– Ну что ты… – Он осторожно притянул мою голову к себе.

– Не уходи, – снова всхлипнула я.

Сколько же пришлось без него прожить? Час, два? Бесконечность. Время с того момента, как я ступила на лестницу замка Лихтенштейн, и до этой секунды почернело и кануло в небытие. Не было ничего. Есть стол, ковер. Есть кровать и дерево за окном. А всего остального – нет. Вымысел. Злая шутка. Дьявольское наваждение. Сотрем ладонью изморозь секунд с окна времени.

Макс застыл, пальцами касаясь моего лица. Брови чуть хмурятся.

– В городе много приезжих. Нас просят освободить номер.

– Освободить номер?

Новость меня потрясла. Впервые слышу, чтобы кто-то настаивал, чтобы вампир что-то сделал.

– Работа Сергея. Сюда подтягиваются новые Смотрители, он не хочет, чтобы с тобой еще кто-нибудь встречался.

Я улыбнулась. Лицо нехотя вспоминало, как это – не хмуриться. А потом рассмеялась в голос. Немедленно соврите, что завтра же у меня начнется спокойная жизнь, что я не буду ни от кого зависеть, что я сама смогу принимать решения. Пока я с Максом, моя жизнь может быть только такой.

Я хохотала, а Макс смотрел на меня. И мне было неважно, что скрывается за этим взглядом. Что там может быть, кроме любви?

Утром у меня на подушке лежал конверт с авиабилетами. Одна пара была из Вены до Москвы, а другая из Москвы до моего города. Настало время расстаться с гостеприимной Австрией. Упала лицом в простыни, не в силах сдержать улыбку. Скитания закончились. Я возвращаюсь домой. Дома проблемы, что нависли надо мной в Медлинге, окажутся призрачными. Смотрители, вампиры, договоры, капризы и недовольства – все останется здесь. С собой в самолет я это не потащу.

Я уже собралась выйти из номера на завтрак, когда на по-

роге появился бледный Макс.

– Нам надо торопиться?

Что могло заставить вампира так быстро бегать по лестнице?

– Не мешало бы. – Он прошел через комнату, остановился около окна. – В гостинице не осталось ни одного человека. Ресторан полон Смотрителями. Они только что приехали.

– А Грегор? – С некоторых пор я стала волноваться за вампиров. А ведь еще есть композитор и Инга.

– Вчера он не вернулся в город. Уехал.

– Ну что же… – Я медленно вернулась в номер, огляделась. – Бегство через окно – это так романтично.

Но в душе все же шевельнулся противный червячок раздражения. Сколько можно бегать? Даже позавтракать не дадут спокойно!

Я быстро переоделась в джинсы, футболку и теннисные туфли. Постояла около распахнутого шкафа. В бегстве есть один недостаток – с собой не возьмешь много вещей. Вытянула из угла сумку с ноутбуком, сунула туда билеты, фотоаппарат, свой многострадальный аттестат зрелости – я не могла с ним расстаться, хоть и подозревала, что показывать его будет некому, не до учебы мне будет в ближайшее время, – и захлопнула створки.

Напомнила:

– Не забудь свой фотик. Я еще не потеряла надежду получить оттуда снимки.

Макс не стал ничего говорить. Молча сунул технику в чехол, забрал у меня сумку.

– А твой ноутбук? – Я снова оглядела комнату.

– Разбился, упав со второго этажа.

И как пишут в таких случаях – в его лице не дрогнул ни один мускул.

Так, понятно. Вчерашний день был не самым простым. Неужели в расстроенных чувствах он уничтожал все, связанное со мной, а потом утомился, прилег отдохнуть, и у него родилась прекрасная идея не расставаться? Хорошо, что в голову вампира приходят правильные мысли.

Макс подхватил меня на руки, и через секунду мы уже стояли на дорожке парка за нашей гостиницей.

– Я говорила, из тебя получится замечательный преступник? – прошептала я, целуя любимого в губы.

– А из тебя спутница преступника, – ответил Макс, приподнимая меня за локти, чтобы я сильно не тянулась.

– И так всю жизнь? – хмыкнула я, глядя в его еще слегка сумасшедшие глаза. Зрачок пульсировал, но в целом он уже почти вернулся в нормальное состояние.

– Пока тебе не надоест, – мрачновато отозвался любимый.

Не понравился мне его ответ.

– А если надоест? – Мы уже шли прочь от «Бабенбергерхофа».

– Вот когда это произойдет, тогда и поговорим, – отозвался Макс. – Для моей жизни такой расклад нормален.

Странно он это произнес. Макс почувствовал, что я споткнулась, и остановился.

– Я люблю тебя, – медленно начал он. – Первое время я любил тебя слепо, эгоистично. Рядом со мной никогда не было такого прекрасного человека, и я делал все, чтобы ты была только моей. Ты мне дала понять, что жизнь бывает разной, что ради нее можно умереть, а главное – за нее надо бороться. И этого осознания мне хватит на вечность вперед. Но теперь… если надо будет, я смогу тебя отпустить. Именно потому, что люблю. Какой бы выбор ты ни сделала, я буду тебя любить. Всегда.

Не выдержав, я закрыла ему рот ладонью.

– Не говори глупостей, – быстро зашептала я.

Но в первую очередь я говорила это для себя. Его слова напугали меня своей точностью. Последнее время меня действительно стало раздражать такое положение вещей, когда ни одно утро не могло гарантировать спокойного вечера. А еще меня настораживало слово «вечность» – несчитаное количество лет и всегда только так? И еще мне хотелось отдохнуть. Пожить пару дней по-человечески. И возможно это будет без Макса.

Я тряхнула головой, прогоняя несвоевременные мысли. Это усталость, страх за Макса. Здесь столько Смотрителей, рядом с ними любимый ходит по краю пропасти!

– Выбор уже сделан, – как можно решительней произнесла я. – А теперь мы просто едем домой. Настало время про-

ведать моих родителей.

Макс кивнул, обнял меня за плечи, и мы зашагали по дорожке. На трассе нас подхватила машина и довезла до аэропорта. Здесь я наконец-то спокойно позавтракала.

Самолет был полон русской речью, громкими голосами, перекрикиванием пьяных – и я поняла, что возвращаюсь домой. Из тишины Поморья, из скупой чистоты и правильности Европы в шумную, отвязную среднюю полосу России. Прекрасно! Лучше и не придумаешь! Давно надо было так сделать.

Весь полет Макс просидел, закрыв глаза. Он не переносил замкнутых пространств, а потому ему приходилось несладко. Я в задумчивости смотрела в окно.

Зачем он заговорил со мной про выбор? Всегда была убеждена, что никакого выбора в принципе не существует, что есть только Макс, только он. А теперь? Своими словами он заставил меня вновь и вновь думать об этом.

Открыл Макс глаза, только когда колеса коснулись посадочной полосы.

– Нас ждут, – первое, что сказал любимый.

Я сглотнула, чувствуя, как в груди ширится знакомая тревога. Сейчас расплачусь от умиления. Родная земля встречает своих героев делегацией из вампиров.

Катрин стояла за прозрачными дверями в зоне прилета чуть в стороне от толпы.

Она вновь стала блондинкой, выпрямила свои пышные

волнистые волосы, отчего лицо ее стало строже. Узкие черные джинсы, присобранные на лодыжках, балетки, широкая свободная белая блуза. Выглядела, как всегда, сногсшибательно. Улыбка на лице, как всегда, фальшивая. У меня, как всегда на вампиров, затанцевали иголочки в кончиках пальцев. Метнуть бы в эту милую красавицу, поставившую перед собой цель за свою долгую вампирскую жизнь извести меня, парочку артефактов, чтобы наждаком стереть с ее лица это самодовольное выражение.

– Как я вам рада! – пропела Катрин, повиснув на шее у Макса.

Раз уж здесь появилась эта белокурая бестия, жди очередной интриги.

Она сунула мне в руки букет белых гвоздик. Спасибо, не красных, а то я начала бы чувствовать себя ветераном всех войн и революций.

– Ну здравствуй! – Катрин посмотрела на меня.

Черт возьми, мне кажется, она сейчас искренне это говорит! Голубые глаза сияют, улыбка до ушей. Чуть-чуть, и румянец на щеках появится?

Катрин обняла меня, и я подавила в себе желание ее оттолкнуть.

– Ты стала популярной! – ворковала она, ведя меня под руку к выходу. – Про тебя все спрашивают! И я всем рассказываю, какой ты хороший, душевный человек.

– Автограф дать? – покосилась я на спутницу.

Катрин преувеличенно громко захохотала, запрокидывая голову. А потом вдруг улыбка слетела с ее лица.

– Обойдусь, – сказала она тихо. – У меня достаточно от тебя автографов.

Не помню, чтобы я ее истязала плеткой, да и не остаются на телах вампиров раны. Мгновенно заживают.

Катрин вскоре бросила меня и переместилась под локоть к Максу, идущему за нами.

– Вы зачем вернулись? – спросила она достаточно громко, чтобы я услышала. Могла перейти на немецкий. Они с Максом земляки. Мне не обязательно слушать их откровения.

– Лучше скажи, что ты делаешь в Москве? – вопросом на вопрос ответил любимый.

– О! Москва сейчас самый спокойный город на земле. Местные Смотрители тише воды ниже травы и крысы не обидят. А вот там, где вы, слишком шумно. Не пора ли мне отсюда уезжать?

– Мы пересаживаемся на другой самолет и летим дальше.

– Неужели домой? – Судя по интонации, Катрин была разочарована. – Что так? Девочка захотела припасть к родным полям и нивам?

– У Маши проблемы. Ей надо отдохнуть.

Ага! Это, значит, мне надо отдохнуть, а не кому-то быть подальше от Смотрителей? Только мне снятся по ночам кошмары? А ему спится крепко?

– Маше надо учиться – ты сам это отлично знаешь. – Го-

лос Катрин был полон сочувствия и понимания. – Подсказать тебе адресок подходящего учителя? Я слышала об одном таком. На Урале живет. Город Усть-Катав.

Я остановилась.

– А не могла бы ты давать свои советы кому-нибудь другому? – тихо спросила, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не начать кричать.

– Друзьям только самое лучшее. – Катрин посмотрела на меня взглядом оскорбленной гордости. – Пока вы путешествовали, я многое узнала.

– Прибереги свои знания, они тебе самой пригодятся!

Ненавижу это двуличное создание. Чтобы жить нормально, нам с Катрин нужно иметь запасную планету Земля, чтобы мы могли расселиться на безопасное расстояние – только тогда наступит мир во всем мире. А пока мы вынуждены сталкиваться, никому спокойной жизни не видать.

Я шла вперед, ничего не видя вокруг себя. Было обидно, что первым, с кем я встретилась в России, оказался именно вампир. От первых минут после прилета многое зависит. Не даром людей принято встречать, создавая им радостное настроение. И вот теперь выходит, что ничего хорошего меня здесь не ждет. Встретить – встретили, порадовать забыли.

– Маша?

Так, скоро на это имя у меня будет аллергия. Стану в двадцать пять лет менять паспорт, запишу другое имя и фамилию, чтобы больше не вздрагивать от сочетания этих звуков.

Я обернулась. И тут же раздражение сменилось удивлением.

Передо мной стоял Олег. Высокий, круглое открытое лицо, добрые карие глаза, широкая улыбка Гагарина. Смотритель из Москвы. Смотритель, который… Ладно, воспоминаниями займемся потом.

– Что ты здесь делаешь?

В критические моменты в голову приходят странные мысли. Я вдруг подумала, что Олег единственный человек, который не попросит у меня пуговицу от пальто.

– Привет! – сказала и смутилась. Стала поправлять и без того нормально лежащие волосы. – Это тебе! – сунула ему в руки гвоздики. Больше ничего оригинального в голову не пришло.

– Значит, это правда? – Олег растерянно взял букет, но смотрел не на меня и не на цветы. Он продолжал следить за моими руками.

Я потерла ладони и вдруг вспомнила – кольцо.

– Вы поженились? – сыпались на мою голову вопросы.

Олег еще улыбался, хотя по лицу было видно, что он расстроен. Сколько же я его знаю? Полгода? И за все это время я ему доставляла одни хлопоты.

– Так получилось, – ушла я от ответа.

Олег, видимо, какое-то время еще пытался сообразить, что я вложила в свои слова – расписались мы с Максом в загсе или повенчались в церкви. Хотя и то и другое для нас

было невозможно.

Улыбка Олега стала растерянной. Он вертел в руках букет, не зная, куда его деть.

– А где же Макс?

Вот это номер! Милые мои вампиры, как почуяли Смотрителя, тут же сбежали.

– Пошел багаж получать, – соврала я.

Механический голос диспетчера объявил посадку на рейс до Вены. Я развела руками. С Олегом нам, как всегда, было не по пути.

– Погоди! – заторопился Смотритель. – Я хотел с тобой поговорить! Я искал тебя. Произошло столько перемен!

Голос из динамиков снова напомнил о самолете в Австрию.

Олег выглядел потерянным. Он не знал, что делать. Глядя на него, я поняла, что события прошедших месяцев, со своими смертями, потрясениями и открытиями, отрезали от меня правильный, привычный мир простых человеческих отношений. Я уже не могла быть там, где все распланировано и спокойно. С той минуты, как я встретила Макса, моей жизни был заказан иной исход, нежели тот, что произойдет сейчас – я развернусь и уйду. А Олег полетит в Вену, оттуда отправится в Медлинг. И это будет правильно.

– Счастливого вам пути! – улыбнулась я на прощание.

– Где я тебя найду?

В Вечности ты меня найдешь. Другого адреса нет.

Я махнула рукой, отрезая от себя все то, что у меня было связано с Москвой, московскими Смотрителями и добрым человеком по имени Олег. И тут рука моя застыла в воздухе.

Стеклянные двери аэропорта разъехались, впуская семейную пару с чемоданами. Девочка в розовой кофточке бежала вперед, везя за собой крошечную сумочку на колесиках. Вот она резко повернулась, зацепилась ногой за тележку и упала. Идущий следом человек качнулся вперед, резко останавливаясь, удержал равновесие. Одной рукой поставил девочку на ноги, поправил выбившийся из небольшого рюкзака длинный сверток и пошел вперед, огибая препятствие.

Знакомое широкое лицо, нос с горбинкой чуть вздернут, еще по-детски припухлые щеки с россыпью веснушек. Нахмуренные брови, отчего на переносице собралась морщинка, искусанные губы. Мой бывший друг Пашка Колосов, семнадцати лет от роду, шагал по первому этажу аэропорта, сурово глядя себе под ноги. Судя по узкому свертку, торчащему у него из рюкзака, с собой он взял саблю. Специальное разрешение на провоз холодного оружия через границу у него, вероятно, имелось.

Олег стоял в стороне и продолжал смотреть на меня, а Пашка шел маленьким танком, ничего не видя вокруг.

Я развернулась и побежала к дверям. Чуть не споткнулась о девочку в розовой кофточке. Выскочила на улицу, готовая мчаться от своего прошлого и внезапно нахлынувшей тоски куда глаза глядят. Видеть Колосова было больно. И я пока

не могла разобраться, чего в этом чувстве больше. Горечи на его теперь уже вечную обиду на меня? Бешенства, что, несмотря на все мои уговоры, он все-таки ввязался в эту историю? Раздражения, что в этом мрачном парне не осталось и тени любви ко мне? Что он так ничего и не понял?

Останавливать его, теребить наши старые раны, вытаскивать из заросшего мхом склепа заржавевшие обиды и взаимные упреки я не стану. Нет, пускай он так и шагает по аэропорту, пускай несет в своем рюкзаке саблю. Он убежден, что поступает правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.